

Андрей Левицкий, Алексей Бобл

ДЖАГЕР

Серия «Технотьма» – 7

ebooks@prospekt.org

Пролог

Над Киевом ветер собирал тучи, они плыли низко, цепляя голову огромной железной женщины, которая высилась на правом, холмистом берегу Днепра.

Давным-давно взрыв ракеты раскрыл ее череп, оставив широкую черную трещину, – будто великан ударил топором. Правая, сжимающая меч рука отломилась и лежала у берега Днепра.

За прошедшие после Погибели годы река сильно обмелела: обнажилось дно у берегов, показались ржавые остатки речных барж и катеров, заросшие грязью коряги, всякая рухлядь и кости. Бывшие острова стали холмами с илистыми скользкими склонами. На середине русла текли бурные ручьи, и лишь в сезон дождей вода прибывала, хотя до прежнего уровня все равно никогда не поднималась. Да и *другая* это была вода – Днепр стал мутно-зеленым, радиоактивным, он приносил с Русской равнины трупы животных и людей, и пить из него было теперь нельзя, даже если пропустить воду через дорогие угольные фильтры, которыми торговали заезжие купцы на Майдане.

Рука статуи торчала из дна возле правого

берега, огромные пальцы сжимали меч, клинок смотрел в хмурое небо – будто покосившееся надгробие над былой славой стольного града, который Нестор когда-то назвал матерью городов русских.

Ныне никто не помнил древнего летописца, канувшего в лету вместе со своими писаниями. Его мощи больше не почивают в пещерах Лавры – Орден Чистоты много раз перестраивал подземные убежища. Чтобы кислотные дожди не просачивались внутрь, монахи укрепляли своды железными балками, заливали пустоты в простенках особым раствором, а снаружи, на склонах холмов, возводили из арматуры и старых покрышек все новые заслоны против оползней.

...Зашипела канифоль, паяльник коснулся платы. Прижав конденсатор, Баграт подул на капельку олова – контакт сел намертво. Теперь можно передохнуть, заодно собрать пульт и все проверить.

Владыка сел прямо, помассировал шею и подвигал плечами, разгоняя кровь в затекших мышцах. Опять склонился над столом. С внутреннего двора Лавры доносился мерный рокот дизель-генератора, который днем включали очень редко. К нему Баграт давно привык, потому что любил работать по ночам, даже иногда спал прямо в кресле, положив ноги

на покрытую темно-серым сукном столешницу.

Справа в поворотном штативе горела лампа, рядом с нею на подставке лежал паяльник. Провода от приборов тянулись к розеткам, утопленным в боковину стола. Стены были обшиты красным деревом. За спиной Владыки стоял сейф, сработанный под платяной шкаф – в Киеве плотническое дело в почете, Баграт приложил к этому руку, устроив при Храме столярный цех.

Опустив плату в прямоугольный корпус из черного пластика, Баграт пробежал взглядом по серебристым дорожкам пайки, сдул успевшую осесть на деталях пыль и закрыл коробочку крышкой. Раздался щелчок. Владыка убедился, что крышку не перекосило и что штекеры вошли в разъемы, как им положено. Эксперимент предстоит опасный, поэтому все должно работать как следует. По бокам из корпуса торчали два тумблера; переключив оба в нижнее положение, он отложил пульт, надел большие очки, гладкий металлический шлем, выдернул штепсели из розеток и повернулся к сейфу. Отворив дверцу, аккуратно взял с полки прозрачный цилиндр-контейнер и поставил на стол. Теперь действовать надлежало с удвоенной осторожностью.

Ядовитый зеленый свет разлился по кабинету,

заиграл сполохами на стенах. От контейнера веяло холодом. Болеслав^[1] предупреждал, что долго смотреть на сияние не стоит, зрение посадить можно. Старик всегда работал с контейнером в особых очках и шлеме, которые сейчас были на Баграте, и все равно пострадал. Технологии доминантов почти не изучены, известны лишь некоторые устройства: силовая броня, проектор, биоклоп. Этот последний висел сейчас внутри цилиндра – слегка приплюснутый шарик, размером с дикое яблоко, с тонкими, как у стрекозы, крылышками. Едва уловимое жужжание доносилось сквозь стекло. Как устроен контейнер, какая сила не дает клопу разрушить хрупкие на вид стенки, Баграт не знал. Болеслав едва головы не лишился, когда, разбираясь в особенностях биоклопа, по неосторожности выпустил летающую тварь, – получил от нее крыльями по горлу. Старик тогда потерял много крови, едва откачали. Клоп с хирургической точностью рассек голосовые связки, но не убил Болеслава. И тот таки умудрился поймать клопа и упрятать в контейнер. Но после того случая лишился возможности говорить и совсем мозгами поехал, на людей стал кидаться, как голодный мутафаг. Баграт не успел толком понять, что случилось с ученым: с севера в предместья Киева хлынули беженцы, спасаясь от эпидемии земляной лихорадки, пришлось срочно карантинные лагеря да заставы ставить; потом в

Харьков к оружейникам мотался и с Лигой фермеров о поставках продовольствия вопросы решал, – а когда вернулся в город, Болеслава в Твердыне уже не было. Пропал. Может, сам ушел и сгинул где-то в Пустоши, а может, кто-то помог ему исчезнуть. Хорошо, что его записи остались, Баграт их в сейфе хранил, вместе с ценным артефактом...

В наручных часах прожужжал зуммер, и тут же взрыкнул дизель-генератор во дворе, засопел, как загнанный охотником мутафаг, и отключился. Вот и подошло время испытания: все приборы в Лавре обесточены.

Подув на вспотевшие ладони, Баграт посидел, глядя на мерцающий контейнер, потом щелкнул тумблером на пульте. В дальнем углу кабинета, где в полумраке стояла подключенная к автомобильным аккумуляторам громоздкая установка, тренькнуло реле. Раздалось гудение. Постепенно звук становился выше и выше, пока не перерос в нестерпимый писк. Биоклоп вздрогнул, заметался, словно муха в банке, и тогда Баграт сдвинул крышку контейнера, одновременно клацнув вторым переключателем.

В стороны брызнули осколки, кабинет озарила вспышка. Направленный электромагнитный импульс установки взорвал клопа. На столе остался лишь расколотый контейнер, по

разбитым стенкам которого сползали бледные маслянистые потеки.

Стащив шлем, Багра́т снял очки, вытер пот со лба и откинулся на спинку кресла. Прав был Болеслав! Не ошибся ученый в расчетах, теперь установку можно смело с собой брать. Главное – учесть, что мощность излучения уменьшается пропорционально квадрату расстояния, и если цель будет слишком далеко, то генератор не поможет – значит, если клоп или подобная ему штука атакует, придется рисковать, подпуская ее как можно ближе, чтобы ударить наверняка.

Багра́т убрал остатки контейнера в сейф, захлопнул дверцы. Очки сунул в карман, перегнувшись через подлокотник, раскрыл походную суму, спрятал в нее пульт и шлем, накинул лямку на плечо и медленно встал. На сукне остались осколки в зеленоватой лужице.

Сквозь щель между шторами лился серый свет. Шагнув к подоконнику, Владыка сдвинул край шторы и окинул взглядом внутренний двор Лавры, куда вооруженные монахи уже вывели лошадей. Под стеной обители стояла крытая брезентовым тентом подвода, в которую конюх впрягал двух поджарых ящеров-манисов. Такие разгонятся – никакой мутант не настигнет. В окнах гостевого дома напротив маячила долговязая фигура молодого секретаря Владыки.

Жестикулируя, он что-то втолковывал невидимым отсюда гостям, сидевшим прямо на полу.

Отпустив портьеру, Баграт поправил суму за спиной, нащупал под курткой компактный автомат. Всё. Оружие почищено и заряжено. Люди и кони готовы. Секретаря придется в Киеве оставить, переговоры закончить. А хорошо бы Ежи с собой взять – кроме него, в Храме никто мутантских наречий не знает, кроме разве что Косты, но того Баграт заслал на переговоры к атаману Кресту. Был раньше толмач, да сгинул вместе с экспедицией, когда на Крыме война между Инкерманом и Херсон-Градом началась. К тому же секретарь умеет складывать разные события и неожиданные, но верные выводы делать, причем зачастую, кажется, он сам не понимает, какие интересные догадки высказывает. К тому же Ежи добр, отзывчив, наивен, предан... таким легко манипулировать.

А вот про Геста этого не скажешь, Владыка московский уверен в своей правоте, и не понять ему, что *Троном* он не завладеет, что там никто не усидит, что за союзом людей и мутантов будущее...

На скуластом лице Баграта залегли глубокие складки, глаза сузились, загуляли крылья орлиного носа, острый подбородок выпятился.

Что ж, Преподобный Гест сделал выбор, вскоре он покинет свое логово, и тогда ему придет конец. Ведь уж жестко устроен мир, где Баграту доживать свой век: в нем нет места слабым и жалостливым. Он заставит всех играть по своим правилам: доминантов, московские кланы, мутантов, Орден... и самого доктора Губерта с его подручными.

Киевский Владыка взглянул на часы и быстро вышел из кабинета. Отдал указания монахам, охранявшим двери, сбежал по узкой лестнице. Оказавшись во дворе, зычно крикнул:

– Коня!

Ему подвели белого в яблоках скакуна, звонко цокающего копытами по мостовой. Забравшись в седло, Владыка направился вслед за всадниками к раскрытым воротам. За ним, скрипя рессорами, поползла подвода, куда монахи прямо на ходу загрузили обернутый шторой из кабинета Баграта электромагнитный излучатель. Возничий на передке щелкнул кнутом, прикрикнул, и ящеры в упряжке побежали живей. Выехав на узкую дорогу, к которой жалась городские лачуги, отряд спустился с холма и у подножия свернул в глубокий овраг, ведущий к паромной переправе в излуине Днепра.

Экспедиция к Нарочи началась.

– Стойте! – донеслось с крепостной стены Лавры.

Баграт поморщился. Он хотел попасть на другой берег, пока солнце не разогнало тучи.

– Стойте!

Узнав звонкий голос секретаря, Владыка придержал коня и поднял руку, приказывая отряду остановиться. Возничий зашикал на манисов. Четверо всадников окружили Баграта, остальные проехали немного вперед, трое перегородили овраг. В отряде все были одеты в запыленные брезентовые куртки с капюшонами да брюки-галифе из грубой ткани, прошитой кожаными вставками, на ногах нечищенные кирзовые сапоги. Владыка лично приказал не чистить их перед поездкой – он всегда учитывал мелочи, думал обо всем и старался все контролировать. Теперь если кто встретит их в Пустоши, то решит, что они промысловики-нефтяники или старьевщики, но никак не монахи, ведь он, кроме прочего, заставил всех сбрить усы и бороды да снять серебрёные распятия. Чтобы не выделяться среди отряда, подобрал людей себе под возраст, рослых – он-то сам был на голову выше большинства окружающих.

В подводе зашуршало сено, лязгнул затвор,

звякнули патроны в пулеметной ленте. Под тентом в передней части лежали ящики с особой взрывчаткой – если подорвать их сейчас, крепостную стену вместе с постройками на холме обрушит ударной волной, такой силы будет взрыв. В отряде, кроме Баграта, об этом не знал никто, даже его личный охранник Павел Скалозуб. Монахи лишь получили указание стрелять в любого, кто без дозволения рискнет подойти к повозке, где помимо возничего ехали еще трое.

– Пропустить, – тихо бросил он, когда в тумане показался силуэт Ежи.

У секретаря были жесткие, темные, стоящие торчком волосы. Двигался он смешной походкой, подпрыгивая, правой ноги ниже колена нет, вместо нее протез – люминевая гильза с хромированным штырем, к нижнему концу которого приварен резиновый набалдашник.

– Владыка! – выдохнул Ежи, схватившись за стремя. – Кочевые вроде как согласны.

– Вроде как?

Под тяжелым взглядом Баграта секретарь втянул голову в плечи.

– Так это ведь помощник только, он сам не

может решения принимать. Но вождь Чемба встречу на Черном Валу назначил. Это недалеко от Стойбища ихнего, и от Киева близко – на краю Сухого моря.

– И ты согласился?

– Согласился, а что же делать было?

Баграт поразмыслил, вспоминая карту диких земель между границами киевских угодий и рубежами Большой Московии. Свирь, где у него уговорено было сойтись с агентами, посланными на переговоры в Москву, к бандитскому атаману Кресту, находилась немного восточнее прямой дороги до Нарочи... а Черный Вал, выходит, западнее. Придется им двигаться зигзагами.

– Когда Чемба там будет?

– Уже завтра кочевые выйдут к Разлому. Белуши весть всем разнесут.

– Белуши? – удивился Владыка.

Ежи часто заморгал и пригладил ладонью непослушные волосы, которые тут же снова встопорщились.

– Белуша – сильная птица, но слишком приметная и глупая, – сказал Баграт. – И в

Московию она редко залетает.

Секретарь расстегнул верхнюю пуговицу изящной коротенькой курточки из бордового бархата и снова взялся за стремя.

– Велишь почтовых воронов им отправить? Сожрут ведь, дикари...

– Отправляй. Вот с ним езжай. – Баграт кивком подозвал ближайшего монаха и приказал: – Скачите назад. После, как про воронов распорядишься, переоденься, ты в походе мне нужен. Догоните нас у переправы. Пока мы на плоты грузиться будем, обернетесь.

Владыка каблуками ударил коня в бока. Ежи полез в седло позади охранника. Окружавшие Баграта всадники развернулись, те, что стояли посреди оврага, пустились галопом, остальные за ними. Возничий щелкнул кнутом, зашипели ящеры, и подвода покатила следом, качаясь на ухабах. Отряд поспешил к реке, чтобы еще сегодня покинуть город. Путь был долгий – до самого Минска.

*

Из окна московского Храма открывался вид на Цитадель. Подобно бессменному часовому, над стеной высилась Спасская башня, в утренней

дымке темнел циферблат с единственной ржавой стрелкой. Преподобный Гест слышал, что часы остановились давным-давно, чуть ли не в день Погибели. Говорили, что в тот же день верхушка башни с рубиновой звездой отломилась и рухнула на мощенную камнем площадь перед Мавзолеем. Ходило поверье, что к звезде нельзя прикасаться, ждет неосторожного смельчака мучительная смерть, ибо сам Создатель проклял древний символ величия Москвы. Гест не верил в подобные рассказы: на самом деле Создатель покинул мир еще раньше, следствием этого и стала Погибель, нашествие мутантов и прочей нечисти. И теперь мир надо очистить от скверны – лишь после того Создатель вернется в него.

На шпиле юго-западной башни, зашитой в строительные леса, колыхалось черно-желтое полотнище – флаг Южного братства, давно обосновавшегося в древней Цитадели. Гест приник к подзорной трубе, прикрученной к треножнику на подоконнике. По мосткам между лесами сновали люди. Кран-балки поднимали каменные блоки, бревна и глубокие корытины с раствором, которым тут же заливали наспех собранную опалубку вокруг нового орудийного каземата. Топливные кланы, ведающие всей нефтедобычей в Большой Московии, срочно укрепляли свою обитель, а заодно латали и прореху в стене. Под ней выстроились подводы,

груженные мешками с панцирной крошкой.

Разведка донесла, что это уже третий обоз с улиточной фермы из Сетуньской поймы и на подходе еще два. Топливные взялись за дело основательно – строят новые бастионы, будто к войне готовятся. Только с кем... с Орденом?

Рабы разгружали телеги прямо на улицу, раствор из крошки замешивали там же в чанах, покоившихся на железных козлах, потом разливали по ведрам и передавали по цепочке каменщикам, которые за ночь успели воздвигнуть стену высотой в человеческий рост.

Гест оторвался от подзорной трубы, сложил руки на груди. Солнечные лучи озаряли древние здания вокруг Храма. Были там и покосившиеся развалюхи, где жили только крысы, но были и подлатанные дома, с досками и листами жести, набитыми поперх проломов, с охраной на крышах – в этих обитали монахи.

Преподобный медленно повернулся. Петр так и не решился сесть в его присутствии. Низкорослый крепкий жрец, облаченный в запыленный плащ с капюшоном, стоял у стола посреди зала, опершись на посох.

– Стало быть, канул Зиновий?

– Канул. Всю Московию обыскали. Прости, Преподобный, не можем его найти.

– Да ты садись.

Петр переступил с ноги на ногу, и опустившийся в кресло Гест повторил:

– Садись.

Попятившись, жрец примостился на краешке лавки под стеной. Посох зажал между коленей.

– Если Зиновий попал в руки киевских... – Гест погладил короткую жесткую бородку. – Плохо дело.

– Плохо, – согласился Петр. – Да только вряд ли.

– Почему же?

– Где Киев, а где Москва? Как бы они тут такое провернули? Это ж какое трудное дело – человека из Храма выкрасть...

Он замолчал, когда Гест, подавшись вперед, хлопнул ладонью по столу.

– Трудное, говоришь? Они си-ключ уже дважды похитить пытались! Во второй раз только по случаю им помешали, староста посреди ночи

проснулся.

Петр упрямо покачал головой.

– То не киевские. Вернее, киевские, но не своими руками, они с кем-то из местных сговорились. Я мыслю, Зиновий Артюх до сих пор здесь где-то, в Москве. Ты знаешь, он умом силен был, а духом слаб. И здоровьем. Если пытали его... теперь враги наши про Нарочь все знают.

– А то покушение на меня? Ведь если б не Дюк, пришлось бы вам нового Владыку выбирать.

– Не говори так, Преподобный! – Петр даже пристукнул посохом об пол.

– А что мне еще говорить? В Храме шпион есть, вот это я тебе точно сказать могу. Может, и не один. Си-ключ здесь больше не в безопасности, как глубоко в подвалах его ни прячь. Раз Зиновия похитили – так и ключ могут. Пора его использовать.

– Как? – удивился Петр. – Или думаешь поход к Нарочи начинать?

– Думаю. А что еще?

– Но... ведь... – Петр замялся. Гест смотрел на

него, ожидая возражений.

– Но как, Преподобный? Даже если дойдем мы, донесем си-ключ к Нарочи – что дальше? Кто его там в дело пустит, как? Ведь Зиновий говорил: чтоб защиту пройти, нужен...

– Я все же у Зиновия учился, – тихо сказал Гест. – Много чего знаю.

– Ну, учился... Не про то ведь речь.

Гест помедлил. Он и правда научился многому, но не имел того, что почти наверняка понадобится в конце похода. Не имел *способностей*.

– А единственный на всю Московию человек, тот, что привел к тебе Зиновия, принес ключ и теперь мог бы нам помочь, давно сгинул, – продолжал Петр, – другого нет. Как с ключом быть? Доставим его на место – что дальше?

– Есть еще один, кто помочь может, – начал Гест, и монах вскинул голову.

– Кто?

– Сын его.

– Чей, Странника?

– Он. Что ты так смотришь на меня?

– Но ведь он мальчишка еще! Что он знает, какая с него польза?

– Смышленный парень, отец воспитывал его как надо.

– Смышленость – то одно, а умения, сам знаешь, какие... Ну хорошо, так что же, ты хочешь юнца с собой взять? – Петр помолчал, глядя на Владыку, и кивнул. – Вижу, все решил уже.

– Решил, – согласился Гест. – До праздника Зачинщика Прилепы мы должны дело завершить, разрушить Стойбище и вернуться караваном в Москву. Так что скажи Эвану со Стодом собираться. Завтра выступаем.

Жрец сразу встал – за то Гест и уважал его. Петр мог сколько угодно спорить, пререкаться с Владыкой, чего мало кто позволял себе в Ордене, мог давать советы и даже дерзить... но когда решение было принято, он действовал быстро, умело и без оглядки.

– Юнца из клана выкрасть этой ночью? – уточнил он, шагнув к дверям, обитым листами железа.

Гест покачал головой.

– Каравану еще охрана нужна будет, помимо нашей, от мутантов в Пустоши отбиваться и от братвы... братвы атамана Креста. – Последнее слово он произнес с напряжением, словно преодолевая себя. – Так мы и найдем для того клан мальчишки. Дюк хорошую плату им предложил.

– Согласятся. – Петр толкнул двери.

– Да. – Гест кивнул и поднялся из кресла. – Вот и будет повод парня с собой взять. Скажи Дюку, пусть в клан едет переговоры закончить.

Часть первая. Киев & Москва

Глава 1

Полдень – опасное время. Над Москвой висит жаркое марево, из трещин в асфальте, из заброшенных канализаций и сырых подвалов выбираются хищные твари. Как и ночью, в полдень не следует отходить далеко от территории своего клана, лучше вообще не покидать ее. Только бригады наемников на бронированных самоходах да хорошо охраняемые торговые обозы рискуют разъезжать, когда солнце стоит в зените.

Вик дочитал страницу старой книги, перевернул и придавил камнем. Сидя на цементном полу, он долго разглядывал выцветший рисунок на мятой странице с надорванным уголком – там человек парил в облаках, широко раскинув руки и ноги. На сотом этаже башни клана, куда не долетали даже птицы, тянул легкий ветерок, приятно охлаждал кожу. Вик зевнул. Сунув руку под безрукавку, почесал живот, в котором урчало от голода, и глянул на лежащую рядом котомку. Может, пирог съесть?

Он подтянул украденную котомку к себе.

Кукурузная мука нынче дорога, за мешок на рынке просят три монеты серебром либо червонец в московских рублях. Фермеры с юга держат цены – знают, что у люберецких кормильцев год неурожайный выдался. Если съесть пирог, Оглобля совсем взбеленится. С ним лучше не шутить: старший бригадир человек жестокий, любит над людьми глумиться. Ему только в Лужниках на Арене драться с мутафагами. Тем более, внешностью на них смахивает, даром, что ли, Оглоблей прозвали? И чего в нем Аглая нашла. Разве может этакий мутант быть нежным с женщиной?

Закинув лямку на плечо, Вик Каспер помассировал затекшие ноги и выпрямился. Пусть котомка пока полежит в библиотеке, а Оглобля денек помучается... Гад он! Спер медицинский справочник, который Вик забыл у лебедки, когда вниз собирался. Издевался потом: бумага, видите ли, мягкая, в отхожее место есть с чем пойти. Тупой, не понимает, сколько такая книга стоит. Ну ничего, теперь квиты. Пирог зачерствеет, но начинка из клюквы вкуса не потеряет. Аглая все равно обрадуется, получив ритуальный «невестин пирог», – да и выйдет за Оглоблю замуж.

Вик прошел на соседнюю площадку, где в комнате с глухими стенами была библиотека. Кинул котомку на пол, оглядел деревянные

полки с книгами и шагнул наружу. Дверь запер на висячий замок, а ключ спрятал в карман.

Вот так. Он отряхнул цементную пыль с выгоревших на солнце коротких штанов. Вечером, прежде чем сменятся наблюдатели этажом ниже, надо котомку назад подбросить.

На краю площадки под бетонной опорой лежал черный ранец, из-под верхнего клапана торчали тугие пучки веревок, похожие на уши пустынного шакала. Вик присел на корточки, взял ранец, проверил, все ли в порядке. Сорвал маскирующую липучку с торчащего из ткани штырька, потрогал его. И вспомнил вдруг о бесследно пропавшем отце. Они вместе нашли этот ранец, когда Вик Каспер был еще мальчишкой и постигал ремесло следопыта. Забрели тогда далеко на северо-восток по каменистой гряде между огромными кратерами почти к самой границе Большой Московии. Дальше было нельзя, там начиналась область, захваченная некрозом, из которой выдавался острый нос железной махины со стреловидными крыльями. Отец объяснил Вику, что это древняя авиетка. Ее раздвоенный хвост с коротким оперением утопал в некрозной полосе. Усыпанный пробойнами корпус поржавел, но кабина, накрытая прозрачным колпаком, уцелела и выглядела нетронутой, за помутневшим от времени стеклом виднелась голова пилота.

Взобравшись на крыло, отец быстро вскрыл кабину, осторожно вытащил труп в истлевших одеждах, спустил на землю и обыскал. Потом снова залез в авиетку и провозился там целый день, пока не достал катапультное кресло вместе с незнакомыми приборами и черным ранцем.

Только сейчас Вик понял, что, увлеченно слушая рассказ о назначении катапульты в древней авиетке, не придал значения тому, как смело отец расхаживал по фюзеляжу, покрытому плесневелыми пятнами. Будто не опасался некроза, не боялся подцепить заразу. Странно это, хотя... отец всегда утверждал, что над металлом некроз не властен, а пятна – лишь окись на железе, которую сын принял за ядовитую плесень.

Вик прислонил ранец к бетонной опоре. Был бы жив отец, не определил бы глава клана Оглоблю в наставники младшему Касперу. Здоровяк только и знает, что кулаками махать, ничего другого не умеет. Арена – вот его призвание. Вик ему вместо чучела для битвы.

Только старший бригадир одного не учел: Вик умел и любил учиться, так его отец воспитал. Он наблюдал за движениями других в драке, запоминал чужие приемы, подолгу тренировался в одиночестве. И однажды во время очередного боя на тренировочной площадке положил

верзилу на лопатки. Радость от маленькой победы длилась недолго. Мстительный Оглобля затаил обиду, ведь раньше никому не удавалось положить его на лопатки, даже на Арене, где он часто бился ради приработка. А тут мальчишка какой-то – опозорился непобедимый боец. После той схватки и началась вражда...

Вик посмотрел между толстых опор на затянутый дымкой горизонт. Пора перебираться на северную сторону башни, подальше от палящих лучей. Он поднял с пола книгу, сунул за пояс и поспешил на соседнюю площадку.

Подойдя к краю плиты, остановился между двух кран-балок, прихваченных к полу болтами. Балки выступали за край на несколько локтей, от роллер-блоков на концах тянулись покрытые густой смазкой тросы, пролетом ниже висела кювета размером с балкон. Пара таких сохранилась на первом этаже, в кюветах поднимали и опускали наблюдателей.

Через каждые двадцать пролетов на козырьках башни стоят лебедки и ветряки, они подают энергию на подъемные механизмы и прожекторы, рядом всегда дежурит смена из четырех бойцов. Этажи держатся на толстых опорах из бетона, снизу доверху здание пронизывают кирпичные шахты с крутыми железными лестницами.

Ветер трепал соломенные волосы. Вик Каспер не боялся высоты, с детства излазил всю башню. К тому же отец, с тех пор как сын отпраздновал десятый праздник Зачинщика Прилепы, заставлял его подниматься наверх только пешком. В развалинах на границе они нашли много книг и таскали их по лестницам в брезентовых рюкзаках. От постоянных спусков и подъемов мышцы окрепли, Вик раздался в плечах, и спустя несколько сезонов его стали брать в рабочие команды клана наравне со взрослыми мужчинами – закупать продукты в Лужниках, грузить подводы, а потом поднимать мешки на складские галереи.

Он уселся на краю плиты, свесив ноги. Межэтажные перекрытия заслонили его от палящих лучей.

Башня отбрасывала длинную тень на Лужнецкий остров. Окружавшее его русло пересохшей реки после сезона дождей превращалось в болото. Кратеры на востоке Москвы переполнялись за четыре декады, которые длился сезон, бурные потоки воды стаскивали в излучину под башней клана мусор вперемишку с вонючим илом, где тут же заводились лягушки, громко квакавшие по ночам.

В центре острова стояло овальное здание

Арены с дырявой крышей и окнами, забитыми досками и листами железа. Верхние окна не заколачивали, поэтому в оптическую трубу можно было разглядеть часть огромного поля и край амфитеатра с длинными лавками для зрителей.

Вокруг Арены – навесы и лотки, между ними снуют люди. На рынок, отстроенный топливными кланами, почти каждый день приходят караваны с запада. Туда везут оружие, которое меняют на соляру, наркотики, мутафагов или рабов, там заключают сделки на поставку продуктов.

Над болотистым руслом показалась стая ворон, круто повернув, темным облаком устремилась к башне клана. Наблюдатели с пятидесятого этажа дали короткую очередь из пулемета, птицы с карканьем рванулись в разные стороны. Неизвестно, откуда они прилетели в город, – если с запада, то могли принести какую-нибудь заразу. Два года назад от мора погибли сотни людей, потому дорогие патроны охрана потратила не зря.

Вик посмотрел на север, где светлая полоса эстакады рассекала город на две части. Там, в руинах за дорогой, начинались ничейные территории, вотчина мутафагов, пустынных шакалов и панцирных волков.

На мосту, что вел через заболоченное русло к острову, затарактели двигателями мотоколяски – значит, колонну приняла под охрану бригада башмачников. Клан Вика Каспера получил это название за торговлю ботинками с мягкой крепкой подошвой.

Караван медленно приближался к Арене. Рядом с машинами шли люди, с высоты напоминавшие букашек, которых иногда вылавливает из своей бороды старый Гуго. Вик часто спускался к нему на нижние галереи и подолгу разговаривал со стариком-сапожником, неплохо разбиравшимся в технике.

Под влиянием отца Вик интересовался наукой, его привлекали книги по механике, древние учебники по математике и физике были зачитаны до дыр. Он мало что в них понимал, но как-то, используя полученные знания, собрал ветряк и установил на крыше башни. Именно тогда он осознал, почему отец говорил, что знания – сила. До того всякий раз, поднимая тяжелый рюкзак на сотый этаж, Каспер думал, что груз за плечами необходим для того, чтобы стать сильным. Но когда отец выучил его читать, считать и писать и начал подсовывать книги, Вик по-другому взглянул на его любимое изречение.

Он вытянул из-за пояса книгу, и тут снизу долетел приказ Оглобли:

– Панк, радио вруби.

Донеслось шарканье, щелчок и слабое шипение динамиков. Панк подкрутил ручку настройки – из приемника полилось бульканье, треск, а потом звонкий голос Балу-Весельчака:

– ...не слышу тебя! Арена?! – В ответ раздался рев сотен глоток, громкое эхо вторило ему. – Я приветствую вас, владельцы Цитадели – топливные короли Большой Московии! Вчера мне сказали, что в нефтяном бассейне завелись пятнистые ящеры, правда ли это? Братья из Храма, вы слышите меня? Простенькая работенка для вас: прочешите хранилища на своих плоскодонках, пока твари не заволокли город! Да будет Храм ваш вечен, а вера непоколебима! Люберецкие кормильцы, ползуна вам в задницу! Вы снова завезли на рынок тухлые томаты?! Пусть земля в ваших парниках будет напитана влагой, а овощ богат витамином! Честные торговцы Пустоши, говорят, что в Харькове больше не чеканят серебряную гривну, а монахи киевского Храма не могут рассчитаться за топливо. Тусклого вам солнца в пути, спокойной дороги! А теперь... – Балу неожиданно смолк.

На крышу Арены легла огромная тень. Вик вытянул шею, но межэтажные плиты мешали рассмотреть небо, и он подался вперед, держась

за балку. В вышине парил смутно видимый сквозь дымку облаков темный диск.

– Ух!.. – выдохнул Вик. Платформы, как их называли обитатели Московии, редко проплывали над городом. Никто не знал, что это такое и кто ими управляет. Старик Гуго, перебив картофельной водки в прошлый праздник Зачинщика Прилепы, рассказал, что ребенком его похитили таинственные хозяева Платформ. В ответ на вопрос «Кто же они?» сапожник заплакал и начал лепетать на непонятном языке. Тогда никто не поверил в эту историю, кроме Вика, который потом еще долго приставал к Гуго, пытаясь узнать хоть что-нибудь про этих самых хозяев, но старик лишь отмахивался и бормотал что-то невразумительное.

– Грива! – рывкнул внизу Оглобля, и Вик опустил голову, прислушиваясь. – Где моя котомка?!

– Откуда я знаю? Лучше сюда глянь, – откликнулся Грива с южной площадки, где стояла оптическая труба. Похоже, наблюдатели следили за Платформой. – Вишь, летит...

– Котомка где?!

– Да я при чем к твоей котомке! У Каспера спроси. Я его с утра у нас на галерее видал.

Может...

– Каспер!!! – взревел Оглобля.

Подавшись вперед, Вик вцепился в кран-балку, едва не выронив книгу.

– ...А теперь я приветствую мутантов Пустоши! Слышите ли вы меня, порождения Нечистого? Скоро, скоро доблестные жрецы киевского и московского Храмов объединятся, позабыв былые распри, чтобы изгнать вас навсегда!

Вик дернулся, ощутив вдруг: сейчас внизу что-то произойдет, там вот-вот замкнется электрическая цепь и включится какой-то механизм. Его и раньше посещали такие видения, но редко, и всегда они были очень смутные, а тут почему-то он увидел все очень явно, зримо...

И тут же внизу заработала лебедка. Сквозь жужжание донеслось клацанье затвора самозарядной винтовки – Оглобля поднимался наверх в кювете.

– Каспер! – совсем близко прорычал он.

Вик швырнул книгу на площадку, оттолкнулся от балки, чтобы забраться на верхнюю галерею, –

вспотевшая ладонь скользнула по железу, и он чуть не сорвался.

– Ты! – Оглобля был уже под ногами повисшего на одной руке Вика.

Старший бригадир обжег его бешеным взглядом и подпрыгнул, пытаясь схватить за сандалии. Кювета качнулась, пальцы чиркнули по подошве. Подтянувшись, Вик выбрался на галерею.

– Шакалий сын!

Плохо дело. Вскочив, Вик помчался на южную сторону башни. Старший бригадир не стал дожидаться, пока кювета поднимется, и вскинул оружие.

Нырнув в сторону, Вик оказался возле черного ранца. Бухнули выстрелы, пули, взвизгнув над головой, врезались в опору и раскрошили бетон. Подхватив ранец, Вик перекатился за опору, сел, поджав ноги.

Оглобля с руганью выбрался на площадку, сделав несколько шагов, остановился. Солнце ослепило его, старший бригадир прикрыл глаза ладонью и медленно пошел дальше.

– Каспер! – позвал он. – Выходи, сучонок!

Вик перебросил ранец за спину. Не опуская винтовку, старший бригадир крался от столба к столбу. Рослый, жилистый, с мощной сутулой спиной и длинными руками, он напоминал человекообразного мутанта.

– В этот раз не смоешься! Пристрелю, понял? За пирог – пристрелю, урод блохастый!

Вик накинул лямки на плечи, защелкнув карабин, соединил перемычку на груди, стал затягивать на бедрах широкие ремни.

Оглобля был уже совсем близко, когда он справился с застежками. Подхватил с пола осколок бетона, взъерошил ладонью жесткие волосы, глубоко вдохнул и выскочил из укрытия.

Старший бригадир почти мгновенно среагировал на движение, но Вик успел метнуть камень, и тот распорол Оглобле щеку. Ствол винтовки дернулся, пуля ушла в потолок.

Оттолкнувшись от края площадки, Вик бросился навстречу солнцу. На миг все застыло, исчезли звуки, время остановилось, и только сердце тяжело бухало в груди.

А потом уши заложило, из глаз брызнули слезы – тело рванулось вниз. Засвистел воздух.

Щелкнул запоздалый выстрел.

Вик падал, раскинув руки и ноги, как человек на картинке в книге. Левая рука нырнула в кармашек на боку ранца, пальцы захватили плотный комок ткани, взмах...

Медузы вытянули купол-крыло, от рывка тело согнулось, с ног чуть не слетели сандалии. Вик дернул за кольцо справа на красной стропе управления, купол резко накренился и начал сворачиваться. Парашют свалился в штопор. Колени чиркнули о край площадки, Вик ухватил левую стропу управления, ослабив натяжение справа, выровнял парашют и направил к реке. Поймав попутный ветер, он стал огигать башню с востока.

– Хэй-ей! – заорал он в восторге.

Под ногами поплыла эстакада, впереди раскинулся остров с Ареной, сбоку посреди мощеной площади высились шпили Храма. Далеко на юго-востоке чадили факелы нефтяного завода.

Вик повернул за угол, уйдя в тень башни. С площадки на двадцатом этаже раздался сдавленный возглас наблюдателя. Задрав голову, Вик помахал рукой Кувалде и Паскалю с Гаврилой, дежурившим на площадке двадцатого

этажа.

Купол начало сносить в сторону ничейных территорий, где, кроме россыпей шлака, спекшегося с железом песка и руин, ничего не было. Там не только переломать ноги можно, но и шею свернуть запросто.

Вик осторожно потянул левую стропу. Купол скользил вдоль северной стены, когда налетевший ветер понес его на башню.

Какой это этаж? Вроде десятый...

На галерее, разинув рты, стояли Архип Дека, глава клана, и пожилой морщинистый монах Дюк, переговорщик московского Храма, облаченный в черную полурясу, штаны галифе и высокие черные сапоги из блестящей кожи.

На раздумья не оставалось времени – Вик повернул купол и на скорости влетел в проем между опорами. Парашют зацепился за плиту межэтажного перекрытия. Монах попятился, Каспер в последний момент развел ноги, и Дюк захватил их в подмышки. Вика дернуло назад и вниз, удар о пол вышиб воздух из легких, перед глазами поплыло.

Купол пару раз громко хлопнул на ветру и вновь наполнился. Вика потянуло к краю

площадки. Ошарашенный, но устоявший на ногах монах хрипло вдохнул, побагровев лицом, шагнул назад.

Непослушными пальцами Вик нащупал кольца подвесной системы и разомкнул карабины. Монах грохнулся навзничь, так и не выпустив его ноги.

Архип крякнул. А купол взмыл в небо, будто воздушный змей, беспорядочно кувыркаясь, и с шелестом помчался, гонимый ветром, к ничейным территориям.

Глава 2

Вик устал переминаясь с ноги на ногу и уселся на мешки с горохом. Ныла спина, болело покрасневшее ухо. Он прикрыл его ладонью, искоса посматривая на Архипа, который мерил шагами полупустой склад.

Дойдя до стены, глава клана развернулся на каблуках, одернул выцветшую гимнастерку и сдвинул за спину деревянную кобуру с маузером. Поймав недобрый взгляд Архипа, Вик отвернулся. Оглобля сидел на корточках у закрытой двери, под глазом темнел синяк, на щеке красовалась ссадина, до сих пор кровоточившая – на воротнике льняной рубахи расплылось темное пятно, будто старший бригадир словил пулю плечом.

Переговорщик Дюк, устроившись на скамейке, потирал ушибленный затылок. Вик поморщился, вспомнив, как влетел на десятый этаж и протаранил монаха. Придя в себя, Архип схватил Вика за ухо, поволок к складским галереям, ругаясь на всю башню. Пока спускались по лестнице, Вик больше всего боялся, что Дюк, чего доброго, упечет его в подzemелья Храма, о которых по городу ходила дурная слава. Поговаривали, будто в темных туннелях живут мутафаги, питающиеся человечинной, и монахи

Ордена скармливают им непокорных рабов.

Скрипнула дверь, на склад заглянул Гуго.

– Что надо?! – гаркнул Архип.

Оглобля оглянулся, не поднимаясь.

– Ага... – протянул старый сапожник, окинув взглядом склад, отступил и закрыл за собой дверь.

– Так. – Архип Дека качнулся с пяток на носки. – Совсем от рук отбился, как отца не стало.

Вик пробурчал что-то, и глава клана сверкнул на него глазами.

– Что ты там бормочешь?

– При чем тут отец? Не трогайте его.

– Никто его не трогает. А ты мне уже вот где сидишь! – Архип стукнул себя ребром ладони по горлу. – И ты, Оглобля! Чего лыбишься? Ваша грызня с Каспером всем надоела!

Старший бригадир потрогал ссадину на щеке, осмотрел палец, слизнул кровь. Архип поглядел на переговорщика Дюка, вновь на Вика Каспера и сказал: – Тебя изгнать надо. Понял? Изгнать!

Вик вскинул голову.

– Как это – изгнать? За что?

– За воровство! – отрубил глава клана. – Еду у своих воровать – да за такое другого кого пристрелили бы сразу!

– Не еду, а пирог...

– Пирог – не еда, что ли?

– Это «невестин пирог», – запротестовал Вик. Сообразив, как Архип собирается повернуть дело, он покрылся холодным потом. Кража съестного – тягчайший грех по законам любого клана, пойманного вора за такое убивают на месте. Хуже этого может быть только предательство интересов клана, тут уж не смерть, а пытки и продажа в рабство Храму или работорговцам, которые поставляют «бегающее мясо» в Город-Корабль, расположенный где-то посреди далекой и страшной Донной пустыни.

– Невестин пирог, – повторил он. – Это... это не еда, а...

Оглобля насмешливо глядел на него, Архип и Дюк молчали.

– А сувенир. – Вик вспомнил слово,

вычитанное в одной из старых книг.

– Чего-о? – протянул Оглобля.

– Ну, или подарок... А он у меня справочник украл, книгу древнюю. Так, может, его изгоните?

Архип перевел взгляд на старшего бригадира, и тот пожал широкими плечами.

– Откуда ж я знал, что это его? Шел, гляжу – книжонка какая-то у лебедки валяется. Драная. Ну, я подобрал, бумага ж... подтереться там или на самокрутки... А потом щенок этот прибегает, верещит: мое, мое...

Возмущенный до глубины души такой наглой ложью, Вик вскочил.

– Врешь! – выкрикнул он, сжимая кулаки. – Врешь, падла! Ты ее у меня видел и знал, что она моя. Кто еще в клане книги читает?! Это полезная книга, я ее изучал, по ней лечить можно... А ты тупой, ты ж даже читать не умеешь, тебе...

– Брехло поганое, – презрительно перебил Оглобля.

Не выдержав, Вик рванулся к нему, чтобы вмазать по наглой морде, и тогда Оглобля,

подавшись вперед, выбросил перед собой длинную мускулистую руку и саданул его кулаком в грудь. Вика отбросило назад, он едва сумел устоять. Под ребрами глухо екнуло, ноги подкосились. Каспер попятился на полусогнутых, наконец, хрипло дыша, смог выпрямиться под насмешливым взглядом старшего бригадира. Ясно было, что тот дразнил Вика – и добился своего, он повел себя как мальчишка, не хватало только заплакать.

– Слышь, Архип, он еще обзывается, – с деланной обидой протянул Оглобля и снова сел на корточки. – Сам жратву у меня покрал, крыса, пирог с клюквой настоящей – прикидываешь, скока такой стоит? Клюква-то, а? Ее ж на пустырях за трактом только найти можно, у Ржавого озера, а там опасно... Я за нее стока выложил! А он спер и теперь выкручивается, как червяк.

– Я его тебе отдать собирался! – перебил Вик.
– Назад подкинуть завтра...

– Во-о, теперь еще и брешет, что отдать хотел. Ну, ты ему веришь, что ли, Архип?

– Нет, – сказал глава клана.

Вик сел обратно на мешки и склонил голову, уставившись в пол. Грудь до сих пор болела. Все,

конец, теперь его изгонят. По правилам, отверженному дают полкраюхи кукурузного хлеба, нож, фляжку с водой, однозарядный пистолет да семь патронов к нему. И все, иди куда хочешь. Но идти-то некуда, потому что слухи расходятся быстро, и все кланы Московии вскоре узнают, в чем провинился изгнанный. Никто его не примет. Остается либо в бандиты податься – хотя зачем он нужен банде, скорее его самого ограбят и убьют, – либо уходить в Пустошь старателем-нефтяником. Но без опыта в поисках нефти, без денег и хоть какого-то снаряжения не наняться ни в одну бригаду старателей. А для одиночки без своей машины-сендера, запасов воды, денег, боеприпасов в Пустоши верная смерть.

Вик поднял голову и увидел в глазах Архипа свой приговор. Глава клана недолюбливал мальчишку, терпел из-за того, что его жена Ирма сильно привязалась к Вику. Дека с Каспером-старшим друг к другу нежные чувства не питали, потому что Архип возомнил с чего-то, будто главный следопыт клана метит на его место, и теперь, когда хитрый Оглобля так нагло соврал, у Архипа появился хороший повод изгнать Вика из башни.

– Вечером все собираемся на крыше, – объявил Дека.

Улыбка Оглобли стала еще шире – раз на крыше, значит, будет ритуал изгнания.

И тогда монах Дюк покачал головой. Когда все трое посмотрели на него, встал и произнес: – Кара сия представляется мне чрезмерной, достопочтенный Архип.

– Чрезмер-ной, – по слогам повторил глава клана. – Почему же так?

Дюк в упор смотрел на Вика, поглаживая густую бороду. Лицо монаха было суровым, а взгляд таким пристальным, что казалось, переговорщик видит его насквозь со всеми его мыслями, грешками, воспоминаниями и желаниями.

– И ты, Архип, и он, – Дюк повел сухопарой рукой в сторону старшего бригадира, – оба понимаете, что кражу невестиного пирога нельзя приравнять к краже, скажем... куска хлеба, мяса или лепешки. Да и сдается мне, отрок вправду собирался вернуть его. А уничтожение древней книги есть грех. Ведь известно, что в книгах, писанных до Погибели, многие тайны сокрыты.

Архип глядел на переговорщика скептически, но Дюка это не смущало.

– Я, конечно, не могу вмешиваться в дела

башмачников. Однако ты знаешь, Архип, что предстоит вскоре. Завтра начинается поход, после того отношения твоего клана и Храма московского могут укрепиться. Юнец же виноват, без сомнения, виноват. Потому предлагаю отдать его в бурсу при Храме.

– В Канториум? – изумился Дека. – Ты всерьез?

Дюк коснулся пальцами висящего на шее креста, на котором корчился в смертных муках человекообразный мутант, и кивнул. Архип задрал брови, неуверенно почесал переносицу.

– А и хорошо! Завтра заберешь.

– Могу и сейчас, – возразил монах. – Я на машине, не сбежит.

Вик ошарашенно молчал, не совсем еще понимая, что произошло. Как все быстро изменилось! Его отдадут в бурсу? Это лучше, чем изгнание. Или нет? Он припомнил, что слышал про монастырский Канториум: холодные тесные кельи для послушников, где, кроме кровати, табурета и вешалки на стене, ничего нет, суровая дисциплина, подъем, когда еще не рассвело, а отбой уже ночью, занятия с утра до вечера, работа на кухне, в принадлежащих Храму мастерских, строгие наставники, жестокие

наказания за любую провинность... Прощай, вольная жизнь башмачников! Главное, им распорядились, будто старой вещью, которую можно сунуть в темную кладовку, а можно и просто выбросить. Его, сына Каспера-Странника, выбрасывают из клана!

– Я взрослый уже для Канториума. – Вик поднялся, расправил плечи. – Слышите? Туда с малолетства берут, а я...

– Ничего, – перебил Дюк. – Есть классы для старших послушников. Первый сезон тяжело придется, очень тяжело, а потом пообвыкнешься, примешь путь служителя Чистоты... если выдержишь. Так что, Архип? Забираю его прямо сейчас.

– Я не поеду! Я не раб, а ты мне не хозяин!

– Тогда изгнание, – сказал Архип. – Если не бурса – в полночь вон из башни.

Сердце в груди все никак не могло успокоиться, в горле пересохло. Воздух вдруг сделался спертым, Вик сглотнул и глубоко вдохнул, лицо покраснело, на лбу выступила испарина. Изгнание или Канториум? Законы Ордена суровы и беспощадны, говорят, некоторые послушники не выживают, а некоторые становятся калеками после

тренировок на плацах Храма. Уж лучше изгнание. Покинув стены башни, он хотя бы останется свободным. Вик уже открыл рот, чтобы объявить об этом, но поймал взгляд Оглобли. Старший бригадир смотрел исподлобья, и видно было, чего он сейчас хочет больше всего. Выражение лица говорило: выбери изгнание, щенок. За стенами Храма я тебя не достану, но стоит тебе покинуть башню – и ты мой. Не успеют убить бандиты, сожрать мутафаги или схватить работорговцы – я догоню тебя первой же ночью и разберусь по-своему.

И Вик промолчал. Так ничего и не сказав, отвернулся, думая о том, что надо бежать из башни. Сегодня же. Если уйдет этой ночью, Оглобля не сможет выследить. Но надо как-то потянуть время.

– Так что, увожу отрока? – повторил Дюк.

Вик затаил дыхание. В глазах Архипа мелькнуло подобие жалости, будто он впервые устыдился жестокого отношения к Вику, которого жена любила как родного. Поджав губы, он сказал: – Пускай с Ирмой простится и шмотье соберет. Завтра поутру приезжай.

– А не сбежит?

Глава клана медленно покачал головой, и Вик

облегченно вздохнул. Как раз то, что ему надо. Теперь быстро в свою комнату, собраться, прихватить на кухне припасов, и ночью – прочь отсюда. Добраться в Сетуньскую пойму, там улиточная ферма, там у друзей хранится его мопедка, на которую Вик собирал монеты много-много сезонов. На ферме можно спрятаться, в клане только к утру его хватятся. Он знал, что фермеры собираются сворачивать хозяйство и перебираться на новое место, – вот с ними и покинет Москву, устроится у них работником за кормежку.

Монах, скрипя сапогами, пошел к двери. Оглобля выпрямился, повесив на плечо винтовку, шагнул в сторону.

– Быть по сему, Архип Дека, – произнес Дюк, выходя в коридор.

Некоторое время Архип глядел перед собой остановившимся взглядом, затем повел плечами и велел Оглобле: – Шагай наверх, кликни Гриву.

– Ладно. – Старший бригадир вышел вслед за монахом, а глава клана повернулся к Вику: – Здесь остаешься. До утра под замком сидеть будешь.

– Но ты ж Дюку сказал...

– Под замком, – отрезал Архип.

*

Поставив перед Виком тарелку, Ирма взъерошила ему волосы, но он отвернулся, и женщина убрала руку.

– Ты ешь, ешь. – Она опустилась рядом на мешки с горохом. – Из ума Архип выжил... надо же такое удумать! Зачем в Храм? Что тебе там делать?

Дверь приоткрылась, внутрь просунулась кучерявая голова Гривы.

– Скорей уже, хозяйка.

Охранник нервничал – Ирме, которая принесла Вику ужин, он перечить не решился, пропустил на склад, но спокойно поговорить не давал. Архип имел привычку проверять посты лично, а попадать под горячую руку хозяина не хотелось.

– Стой где велено, – отмахнулась Ирма.

Грива скривился и прикрыл дверь.

Вик сидел, зажав коленями миску с кашей, и жевал, не чувствуя вкуса. В голове кружились

беспорядочные мысли, он пытался строить планы на будущее, но сбивался, начинал размышлять о другом. В Храм он все равно не пойдет. Что ему делать у монахов? В Канториуме ломают послушников, переделывает им мозги по-своему, оттуда выходят суровые фанатики, жрецы, истребители мутантов.

– Известно всем, забьют мозги ученьями своими, – причитала Ирма. Она всхлипнула и отвернулась, перебирая руками подол выцветшего домотканого платья, испачканного мукой. Видно, узнав, что Вика отдадут Ордену, бросила все на кухне и помчалась к нему, прихватив снесь.

Она что-то еще говорила, тихо всхлипывая, утирая слезы рукавом, но Вик не слушал. Ирма добрая, но глупая, ничего толкового посоветовать не может, поэтому он думал о своем. Надо бежать прямо сейчас и в Сетуньскую пойму идти. Про тайник в библиотеке, где карабин, нож, походная сумка и пара серебряных монет, придется забыть. Остается с Гривой как-то разобраться. У того неплохой дробовик, патронташ всегда полный. Чтобы по Пустоши нормально передвигаться, надо забрать свою мопедку, которая у друзей на улиточной ферме запрятана. Главное – раздобыть еды на первое время. Он покосился на куль с припасами, что принесла Ирма. Фляга томатного сока, два

початка карликовой кукурузы и огурец, свежая лепешка. На день хватит. А потом?

Надо денег достать. У Ирмы пара медяков всегда найдется...

Он покачал головой. Нет, нельзя ее впутывать, ей в клане еще жить.

В дверь снова просунулся Грива:

– Хозяйка...

Поставив тарелку на пол, Вик сказал:

– Тетя Ирма, спасибо. Ты иди... – Он хотел добавить «все будет хорошо», но не стал, потому что сам не был в этом уверен.

Утерев слезы, Ирма поднялась с мешков. Нерешительно протянула руку – Вик не стал отворачиваться – и потрепала его по голове, взъерошив жесткие светлые волосы. Вздохнула, комкая фартук, вышла в коридор. На пороге снова появился Грива. Окинул склад взглядом и собрался захлопнуть дверь, но Вик окликнул: – Погоди, дело есть.

*

Архип Дека оглянулся, когда в дверь галереи

на тридцатом этаже башни стукнули кулаком. В звуке этом было что-то нагловатое и самоуверенное, сразу становилось ясно – снаружи стоит старший бригадир.

– Заходи.

Дверь распахнулась, и Оглобля шагнул внутрь.

– Чего звал?

– Сядь, – велел Архип.

Лысый здоровяк взял в углу колченогий табурет, вытащил его на середину галереи и сел. Скинув с плеча ремень, поставил винтовку между ног, сжал широкими ладонями ствол и кинул взгляд на тумбочку под стеной. На ней стоял древний патефон с медным раструбом и резной деревянной ручкой, треснувшей, стянутой полоской кожи. В тумбочке без дверцы лежали стопкой штуквины, которые, как слышал Оглобля, называются пластинками. Они тоже остались с древних времен – удивительно, что сохранились, с виду-то совсем ломкие. Большинство никуда не годились, но некоторые еще «играли». Архип иногда ставил их на патефон, крутил ручку, Оглобля сам видел – в аппарате что-то булькало, скрипело, по пластинке елозила игла, из раструба лилась странная шипящая музыка.

– О каком походе переговорщик говорил? – спросил старший бригадир.

Скрестив руки на груди, Архип повернулся спиной к нему. Сквозь затянутые ржавой сеткой оконные проемы открывался вид на Можайский тракт. Вечерело, сумерки сгущались над Москвой, в обитаемых домах зажглись огни. В городе почти три десятка кланов, от больших до совсем крошечных и бедных, каждый владеет своей территорией, это будто острова, вокруг которых раскинулось море руин, пустынные улицы, лабиринты потрескавшегося асфальта, обветшалых стен и проломленных крыш. Территория башмачников не слишком обширная, Меха-Корп или Южное братство владеют куда большей. Зато никто не может похвастаться такой вот башней, хорошо укрепленной, со своими ветряками, прожекторами, гаражом и подъемниками. Она как гигантская свеча висится над Москвой, освещая огнями окрестности.

Под окнами стояла длинная лавка, глава клана опустил на нее и сказал: – Завтра выезжаете.

– Че, и я? – удивился Оглобля. – С монахами?

– И ты.

– Да я-то почему? Я ж охраной командую...

Архип кивнул.

– И большего не хочешь, да? А я хочу.

Оглобля смотрел непонимающе, и Дека вздохнул. Старший бригадир у него решительный и хитрый, вон как с Каспером ловко разделался. И боец хороший. Но при том – глуповат. Не понимает многого, на пальцах приходится объяснять. Хотя с другой стороны – зачем Архипу умный помощник? Начнет, чего доброго, под хозяина копать, интриги разводить. Оглобля среди молодых башмачников популярен, его, с одной стороны, недолюбливают за жестокость и вероломство, на расправу он скор, а с другой – уважают за смелость и лихость. Он лучший боец клана, сильный и умелый. Мог бы сколотить из своих приспешников крепкую группу да и поднять бунт. Интересно, скоро до него это дойдет? Архип пригляделся к широкому, грубо слеplенному лицу Оглобли. Вроде и простодушное, а глазки вон как бегают. Так, может, уже и допер Оглобля насчет бунта?

– Сколько кланов в Московии? – спросил он.

– Э... кланов? – Оглобля почесал квадратный подбородок. – Ну, эта... Из больших: Южное братство, люберские кормильцы, Меха-Корп, братва Креста, мы... Ну вот Орден еще... это ж ведь тоже клан? А из тех, что поменьше:

медведковские, Ферзь со своими нищими, цыгане...

– Короче, много, – заключил Архип. – У кого и полсотни людей не наберется, а у Меха-Корпа вон больше тыщи, если новобранцев-учеников считать. Так?

– Ну, так.

– У того же Меха-Корпа своя армия и школа убийц, их людей по всей Пустоши встретить можно. А мы что? Башмачники?

– А что? Мы – сила! – Оглобля сжал кулак и потряс им. – Во! Башмачников много...

– Не так уж и много. Хотя вообще прав ты: у нас четыре бригады, стволов хватает, машины есть. Свой бизнес, связи налажены... Я прикинул недавно: мы пятый по силе клан получаемся.

– А! Так ты хочешь первым стать?

– Первым – не знаю, Меха-Корп трудно обскать будет. Но вторым или третьим – точно. И помогут нам в этом монахи. Сейчас они караван на юг посылают с важным поручением. Со мной декаду назад связались, теперь Дюк пришел последние мелочи обговорить. Им, видать, Меха-Корп накладно нанимать, да и не

любит Преподобный Гест ихнюю новую правительницу. А с другими кланами говорить особого смысла нет, не потянут они дело такое. Потому Орден ко мне обратился, чтоб дал людей сопроводить караван. От Храма свои бойцы поедут, монахи и жрецы-каратели, от башмачников свои. Значит, я тебя посылаю моей бригадой командовать. Если с монахами и дальше контактировать, мы им поможем, они нам... Подряд на обувку дадут, на большую партию, расплатятся золотой монетой да боеприпасами. Так и развернемся, а Храм поможет. Союз выгодный образуется.

– Но почему я? – не унимался Оглобля. – Кто охраной башни ведать будет?

– Копыто поставлю.

– Копытыча? Да он же дурак!

– Ты вроде умный у нас?

Старший бригадир энергично кивнул.

– Очень! Я всех людей знаю, какой у кого нрав, как с кем совладать, кого прижать, кого припугнуть или...

– Правильно, потому сможешь летучую бригаду возглавить.

– Летучую? Не понял. Это типа летать, как небоходы?

– Дурак и есть! Прав Каспер: тупой ты все-таки. Летучая – значит быстрая. Вооружить легко, на сендеры посадить... Орден знаешь чем за помощь в походе расплачивается?

– Чем?

– «Тевтонцами» своими.

– Ого! – восхитился Оглобля.

– Вот тебе и «ого». Сам понимаешь, «тевтонцев» только в монастырских мастерских клепают. Я договорился, нам три машины дадут. Правда, без пулеметов, но все равно. Три «тевтонца» бронированных! На них твоя бригада и будет ездить. После похода отправлю тебя в Харьков к оружейникам, купишь там ракетометы – слыхал про такие? Труба с ракетой внутри. Пальнул – машина в пыль.

– Слыхал. – Оглобля широко улыбнулся. – Это дело, хозяин. «Тевтонцы» с этими... мётами... Значит, хочешь, чтоб мы на них сели да на трактах промышляли? Желаеть бандитским кланом чтоб стали, как крестовская братва?

– Может, на трактах, а может, на нищие

кварталы наскочим. Вытесним их с территории, Ферзя сместим. А после поглядим.

– Значит, за счет Ферзя наши земли расширить?

– Да, но это только начало. Короче, понял ты? В походе будешь слушаться только этого Дюка, он главным от Храма поедет, начальником экспедиции. Вернешься, получим «тевтонцев», станешь старшим в летучей бригаде. Расширим территорию... я старею уже, да?

Оглобля заморгал, так резко Архип повернул разговор, потом протестующе замахал руками: – Не, хозяин, ты в силе еще!

– Старею. Значит, преемник мне нужен. Вот и объявлю тебя преемником. Но это потом.

Он в упор смотрел на Оглоблю, наблюдая за выражением простецкого лица. На такую приманку верзила клюнет. Если и бродили в лысой голове мысли о бунте, то теперь они исчезнут. Зачем начинать опасное дело, если хозяин такое обещает? А позже, когда тот и вправду назначит Оглоблю преемником, можно устроить несчастный случай... Архип Дека невзначай упадет с галереи, или ему на голову кусок бетона с верхнего этажа свалится, или еще что приключится – и станет Оглобля хозяином

клана.

Мысли помощника прочесть было легко, и Архип удовлетворенно кивнул сам себе. Вот так. Может, Оглобля телом силен, но он, Дека, – умом. Теперь на много сезонов старший бригадир и думать забудет про бунт. Ну а после... после Архип с ним разберется.

– В общем, все понял? Тогда иди. Завтра выступаете, Гуго уже готовится, помоги ему.

– Понял. – Оглобля хлопнул ладонями по коленям, подхватил винтовку и встал.

– А с гаденышем что?

– С Каспером? А что с ним? Ты ж слышал, монах его в бурсу ихнюю забирает.

– Да хотелось бы... Я бы его, понимаешь... – Оглобля сделал жест, будто душит кого-то.

– Понимаю. Тоже щенка не люблю. Но думаешь, он в Канториуме выживет? Это Вик-то наш вольнолюбивый? Ты вспомни, какие у них порядки...

Оглобля поразмыслил и кивнул, ослабившись.

– Точно, сломают гаденыша. В порох сотрут, сгинет там.

– Сгинет. Потому забудь о щенке, с ним покончено.

– Ага. – Перекинув через плечо ремень винтовки, Оглобля пошел к двери.

Архип молча глядел на него. Старший бригадир сделал несколько шагов, остановился и воскликнул, повернувшись: – Э, погоди, хозяин! Ты мне башку совсем задурил летучей бригадой своей! Куда едем-то? И зачем? Ты ж так и не сказал!

Архип Дека улыбнулся краем губ – ну, дурак! Только теперь догадался спросить.

– В том-то и дело, что не знаю, – произнес он, поднимаясь с лавки. – А ты узнаешь, только когда в путь выйдете.

– Да как же это – ехать и не знать куда? – изумился Оглобля. – Темнишь!

– Ты поговори мне! Это не я, а монахи темнят. В большом секрете все держат, значит, что-то серьезное задумали. Что-то вы повезете. То ли человека какого, то ли вещь, то ли... Не знаю. Но что-то важное явно. И опасное.

*

Грива переступил с ноги на ногу, посмотрел, нет ли кого поблизости, и шагнул в проем.

– Че надо? – насупленно спросил охранник, снимая с плеча дробовик.

Вик выпрямился, и охранник выпятил подбородок.

– Ты стой где стоишь, малец. – Толстый ствол повернулся в его сторону, и Вик поднял руки, показав пустые ладони. – А то шамальну.

– Да я про тайник тебе хотел рассказать. Деньги там...

– Че... деньги?

– Ага, – безразлично ответил Вик.

– Много?

– Серебро, несколько монет. Еще карабин бати самозарядный, нож... Помнишь его нож? Там сталь с панцирной крошкой, в Харькове отливали. И патронов две коробки.

Грива заинтересованно шагнул ближе.

– Где ж добро такое?

Прищурившись, Вик неопределенно кивнул на потолок.

– Не понял? – нахмурился Грива.

– Наверху.

– Да где наверху?

Они были одного роста. Вик подошел ближе и прошептал:

– В библиотеке. Там под нижней полкой отдушина. Решеткой закрыта. Верхний край надавить и... – Он посмотрел охраннику в глаза.

– И че? – шепотом спросил тот.

– Тупой ты, Грива, почти как Оглобля.

Вик левой рукой ухватил дробовик за ствол, а большим пальцем правой ткнул в пульсирующую вену на шее охранника. Тот сипло вдохнул и обмяк, закатив зрачки под лоб. Вик подхватил тело и уложил на пол. Быстро шагнул к двери и выглянул в коридор, где под потолком мерцала тусклая лампа. Слева чернел проем лифтовой шахты, давным-давно его закрывали сломанные раздвижные двери, но потом их сняли, металл-то в цене. Прямо – бетонная стена, справа узкий коридор. По нему можно попасть на складскую

галерею, если сделать несколько шагов и повернуть за угол. Оттуда доносился шум голосов, бряцанье и команды Гуго. Вик нахмурился. Странное оживление. Надо поторапливаться, вдруг гости явятся...

Вернувшись, он повесил дробовик на плечо, снял с Гривы патронташ и ремень с ножнами. Вынул клинок, потрогал пальцем лезвие – сталь так себе, пластину панцирного волка не пробьешь. Он подпоясался, патронташ повесил через грудь, взял куль с припасами, принесенный Ирмой. Перетянув его льняной косынкой, которую всегда таскал в кармане штанов, подвязал концы к патронташу и сдвинул узел за спину. Прикрепил к ремню флягу. Нагнулся, ухватил Гриву за руки и втащил на мешки. Этот прием, когда пальцем резко пережимаешь вену, показал отец. Охранник придет в себя нескоро. Скинув несколько мешков сверху, Вик прикрыл тело, шагнул назад – от двери сразу и не увидишь, что там кто-то лежит.

Все. Теперь тихо выбраться из башни – и сразу за мопедкой.

Подойдя к шахте лифта, Вик ухватился за края проема и нагнулся, глядя вниз. Шесть этажей по тросу... ничего. Плохо только, что там темно, ползти надо будет медленно, осторожно.

Поплевав на ладони, он отступил к стене коридора. Прыгнул с разбега – и вцепился в ржавый трос. Ладонь больно кольнула лопнувшая оплетка. Вик обхватил ногами трос и начал спускаться в темноту.

Глава 3

Сунув нагайку за голенище, Ильмар Крест откинул шкуру, закрывавшую вход в шатер, и шагнул внутрь. В темноте снаружи пылали костры, всхрапывали кони, иногда перекликались часовые. Шатер стоял посреди лагеря, который еще в начале сезона дождей разбили у Можайского тракта, между холмами из мусора, загородившими с юга Сетуньскую пойму, рощей и руинами солнцевского полустанка. Через пойму не пройти, болотистое место, там полно змей, а в роще и на полустанке посменно дежурят две бригады. Много людей в Московии хотят смерти атамана Креста, потому ординарец Прохор, ведавший безопасностью, и убедил хозяина встать лагерем именно здесь. Место это легко охранять. И рельсовая дорога под контролем, на дрезине с мотором в Москву докатить можно. Правда, кое-где пути разобраны либо размыты, но самодвижущуюся повозку четверо запросто поднимут и перенесут, если понадобится. Старики рассказывали, что по рельсовой ветке этой можно было в Киев добраться до Погибели.

В просторном шатре тускло светила керосиновая лампа, висевшая на жердине под потолком, да горел огонь в очаге. Вокруг большого ларя, заставленного тарелками со

всякой снедью, стояли накрытые мехами низкие лавки.

Ильмар пересек шатер, расстегнул и скинул на лежанку длиннополую куртку из грубой черной кожи, повел широкими плечами. Он был хоть и в возрасте, но все еще крепок. На жилистой шее висел шнурок с распятым мутантом – память о прошлом. Распятие Ильмар не снимал ни днем, ни ночью, чтоб всегда помнить о том, что случилось когда-то, чтобы оставаться злым, быстрым, резким, как удар нагайкой по крупу норовистого жеребца.

На левом боку под мышкой прятался короткий чехол, а в нем двуствольный обрез, который атаман Крест мог выхватить даже скорее, чем иной стрелок достает пистолет из кобуры. Пистолеты, впрочем, тоже имелись – висели на широком ремне вместе с кинжалом в ножнах.

Ильмар снял оружие, вытащил нагайку из сапога, положил на лежанку.

Снаружи кто-то заспорил, потом раздался смех и хлопки, словно ладонью колотили по спине... братаются они там, что ли? Недавно атаман взял под начало медведковских, которые долго пытались обжиться на ничейных территориях, но ушли под напором расплодившихся там панцирных волков. Теперь

рядовые бойцы знакомятся друг с другом, притираются, ведь предстоит вместе и в атаку на торговые обозы ходить, и с патрулями Ордена биться. Хотя Хэнк-Губа, главарь медведковских, все равно поставил свой шатер за мусорным курганом, показывая независимость, и большая часть бригады с ним осталась. А ведь в лагере у Ильмара было бы удобней заночевать, лошадей в стойла завести да людей в палатках разместить.

Атаман поднял руку, сжал кулак. Все у меня здесь будете! Вся Московия!

И ты, Преподобный Гест.

Полог откинулся, и в шатер вошел Прохор. Светлую рубашку перечеркивали ремни портупей, по бокам два револьвера в черных кобурах, из-под козырька выгоревшей на солнце фуражки выбивается рыжий чуб.

– Прибыли, хозяин. На ящере приехали.

– Наконец-то! – Ильмар шагнул навстречу. – Сколько их?

– Двое.

– Всего двое? Из самого Киева вдвоем... Хорошо, зови Калеба с Рэмом, пусть под входом дежурят. Ты, как эти войдут, тоже внутрь, но в

стороне будь, к разговору не прислушивайся.

– Понял. А оружие?

– Оружие скажи им под входом оставить. Но не обыскивайте.

– Так ежели у них что под одежей запрятано, в рукавах?

– Не обыскивать, я сказал. Пусть так заходят.

На лице Прохора была неуверенность, он будто хотел что-то сказать, да не решался. Повернулся, но выйти не успел: в палатку, качаясь, ввалился Стеня, порученец Хэнка-Губы, долговязый детина с отечным лицом. Он вперил мутный взгляд в Ильмара, дохнул перегаром.

– Ты слышь, это... старшой наш на разговор требу... просит то есть...

Договорить Стеня не успел: Прохор, широко размахнувшись, ударил его в грудь, и порученец вылетел наружу.

Ильмар поморщился, машинально подняв руку к поясу, но не найдя там пистолета. Пристрелить бы скотину пьяную... да нельзя. Он пожевал губами и сказал Прохору:

– Брось тварь у шатра Хэнка. Ему самому скажи: чтоб был готов сюда ко мне прийти. Не я к нему – он ко мне! Донеси до него эту мысль, слышишь, Прохор?

– Да уж донесу, – ответил помощник.

– Как я с этими двумя поговорю и они из шатра уйдут – приведешь Хэнка. Их самих на ночлег определишь в таком месте, чтоб со всех сторон наши хлопцы были.

– А ежели Губа с охраной придет?

– Охрана пусть снаружи стоит, где и Калёб с Рэмом. Все, зови сюда киевских. Ну, что ты рожу кривишь? Говори уже.

– Хозяин, посади еще кого в шатре. – Помощник махнул рукой на гору мехов, наваленных сбоку от лежанки. – Рэма туда, он небольшой, спрячется, с пистолями своими, чтоб, чуть что, пальнуть. Ты б видел этих двоих. Один еще так-сяк, но второй... Ну вроде гранаты, у которой кольцо выдернули. Так и чудится, что щас взорвется.

– Ничего, они не воевать приехали, а договориться.

Прохор покачал головой, поправил фуражку и

вышел.

– Калев! – донеслось снаружи. – Рэм где? Кликни его, быстро. А ты, сволота пьяная, куда ползешь?! А ну пошли, тварь бессмысленная! – Вслед за этим раздался звук удара, должно быть, помощник навернул Стеню сапогом по ребрам.

Ильмар взял с лежанки чехол с обрезом, вытащив оружие, сел на лавке лицом ко входу, отстегнул от чехла ремешок и прицепил его к кольцу на пистолетной рукояти. Сунул руку под крышку ларя и слегка, чтоб не опрокинулись бутылки с брусничной настойкой, приподнял ее. Вставив в щель ремешок, опустил крышку. Обрез повис у стенки. Крест откинулся на спинку лавки, одну руку положил на ларь, другую опустил между колен. Пальцы привычно скользнули под скобу, указательный придавил спусковой крючок. Он поднял голову. Киевские сядут с другой стороны, и если разговор круто пойдет, если они чего учудить вздумают – Ильмар одним коротким движением вскинет обрез, который гости до того видеть не будут, саданет из двух стволов... дробью обоим бошки снесет.

Отпустив оружие, он прикрыл глаза и попробовал расслабиться, да не очень-то получилось. Крест не спал две ночи, а все потому, что сначала одна из его бригад налетела на идущих к Лужникам торговцев, у которых в

фургоне оказались аж два пулемета припрятаны, а после пришлось разбираться с медведковскими, укорачивать наглого своенравного Хэнка.

Снаружи закашляли – это Прохор подает сигнал, что гости на подходе. Ильмар сел ровнее, придвинул ближе бутылку. Не выдержав, зевнул, быстро потер глаза кулаками.

– Можно, хозяин? – громко спросил помощник.

– Заходи.

Шкура качнулась, и Прохор шагнул в шатер. Придерживая ее, отступил в сторону, впуская двоих в дорожной одежде.

– Стало быть, прошу знакомиться, – произнес он. – Атаман Ильмар Крест. Это Коста, а это Мирч.

Первый оказался довольно-таки молодым. Высокий, тонкий в кости, узколицый, с волнистыми темными волосами и плавными движениями. Одет в наглухо застегнутый плащ. Войдя в шатер, Коста коротко поклонился, улыбаясь, шагнул к ларю. Привставший Крест махнул рукой, и переговорщик сел на лавку.

И только увидев второго гостя, атаман понял, что имел в виду Прохор, когда сказал, что один из киевских вроде гранаты на взводе. Мирч был куда старше спутника, в расстегнутой брезентовой куртке, кожаных штанах, плотной шерстяной рубаше и сандалиях. Он казался опасным, как ядовитая змея. Ежик седых волос, вместо левого глаза бельмо, на лбу три коротких шрама, след от когтей песчаного шакала, определил Ильмар.

– Как добрались? – Атаман взял бутылку с настойкой.

– Сложно, – отвечивал Коста, мягко улыбаясь.

Прохор закрыл шкурой вход и встал сбоку от него.

Скинув куртку на пол, Мирч сел рядом со спутником, быстро обернулся к Прохору, скользнул взглядом по шатру, по Ильмару.

– Говорят, мутанты за Разломом распоясались, страх совсем потеряли, – произнес атаман неторопливо, разливая настойку. – Не напоролись на них в дороге? Закусывайте, пейте. В кувшине квас, а в том – вода. Чистая, из родника брали.

Мирч уставился на хозяина и произнес, едва шевеля губами, но при том громко и резко:

– Мы не пить приехали. Не закусывать.

Прохор у входа встрепенулся, рука опустилась к револьверу в кобуре. Коста быстро коснулся плеча спутника тонкими пальцами. Сверкающий взгляд Мирча пригас, переговорщик ссутулился.

– Как хотите, – равнодушно произнес атаман. Поставив бутылку, он нарочито медленно поднял свой стакан и сделал пару глотков. Коста с вежливой улыбкой ждал, Мирч, опустив голову и положив кулаки на колени, глядел в пол.

– Развито ли в Большой Московии искусство переговоров? – спросил Коста.

Подняв бровь, Ильмар повторил:

– Искусство? Это что значит?

– Вести переговоры дело сложное. Не всякому дано. Как человека к себе расположить, что и когда говорить... Я этому долго учился. Но сейчас все мои умения ни к чему.

– Почему же? – спросил атаман.

Коста слегка пожал плечами.

– Потому что, обдумывая нашу беседу в пути и вспоминая все, что известно о вас, я решил, что говорить следует прямо, начистоту. Почему Зиновия Артюха и наших людей не было в Шацке в условленное время? Атаман Крест, ваши бойцы намеренно не выполнили условий договора или не смогли их выполнить?

При этих словах Мирч подался вперед, будто собрался прямо через ларь наброситься на Ильмара. Атаман крепче ухватил невидимый гостям обрез. Прохор, вытащив револьвер, шагнул вперед, прицелился в спину седого между лопаток.

– Эй, ты! А ну не балуй! Сядь ровно, где сидишь! Сядь, я сказал!

Коста не шелохнулся, а Мирч, ощерившись, медленно повернул голову. Прохор стоял шагах в трех позади, подняв револьвер. Мирч смерил его взглядом и сказал Ильмару:

– Вели своему холопу опустить пистоль и назад отойти. А то...

– Это у вас в Киеве холопы, – с тихой ненавистью процедил Прохор. – А у нас здесь вольные люди.

Но Мирч, казалось, уже позабыл про него –

ссутулившись, он вновь устоялся в пол между своих ног.

– Гляжу, хорошо вас обучили переговоры вести, – сказал Ильмар.

Коста развел руками.

– Достопочтенный Мирч Сельмур не переговорщик, служба его при Храме киевском совсем другого порядка. И у него есть двоюродный брат, Ига, старший бригады, посланный в помощь вам, атаман Крест. Люди эти должны были доставить Артюха к нам в условное место. Но не доставили. Мы...

– Его брат, – Ильмар повел подбородком в сторону Мирча, – погиб в Москве. Застрелен жрецами под стенами Храма.

Рука крепко сжимала обрез, Ильмар готов был вскинуть оружие и выстрелить в голову Мирча, если тот после этих слов бросится на него, – но ничего такого не произошло. Седой только еще больше ссутулился, еще ниже опустил голову.

– Кто-нибудь выжил? – спросил Коста.

– Еще четверо ваших погибли. Один, как его, – атаман щелкнул пальцами и взглянул на Прохора, который убрал револьвер, но ко входу

не отошел, так и стоял позади Мирча. – Тот, с подбородком как наковальня?

– Велеш, – ответил помощник.

– Да, Велеш ваш до лагеря дотянул. Его трижды ранили, но дожил. Лекарь мой не смог ничего поделатъ, Велешу грудь прострелили, он дышать толком не мог. Хотя сильный – долго сопротивлялся. Его тут похоронили, на краю роци, могилу вам покажем, если надо. А тела остальных в Храме остались, не знаю, что с ними.

– Что же, выходит, погибли все наши люди – и ни одного вашего? Не кажется ли вам...

– Почему ни одного? – перебил Ильмар. – Я троих потерял. И еще раненые есть. Видели, двое под входом стоят, это Рэм с Калобом. Калоб хромает – ему монах в Храме лодыжку прострелил. Сложное дело было, на Храм никто никогда наскакивать не решался. Если б не ваш человек в Ордене, который на плане обители посты разрисовал да пароли на ту ночь дал...

Он вдруг понял, что лицо Косты изменилось, – с самого начала разговора он улыбался, а сейчас напрягся и стал до предела серьезен.

– Где Зиновий Артюх? – спросил переговорщик. – Тоже погиб?

Они с Мирчем уставились на атамана так, будто решался вопрос жизни и смерти всего Ордена Чистоты.

– Нет, почему же. У меня он.

Ильмару показалось, что Коста едва сдержался, чтобы не вздохнуть облегченно. Переговорщик откинулся на лавке, расстегнул верхнюю пуговицу плаща и погладил кадык.

– Так приведи его, – буркнул Мирч.

Ильмар покачал головой.

– Нет? – спросил Коста. – Почему нет? Он тяжело ранен? В беспомощности? Он...

– Спрятал я его, – отрезал Ильмар. – От вас спрятал. А до того в палатке рядом держал. Он жив, но... Знаете вы, что Зиновий отвар из дурман-травы давно пьет? У него мозги в кашу уже. И зачем вам этот убогий? Хотя догадываюсь.

Коста с Мирчем переглянулись, во взгляде переговорщика мелькнуло что-то, атаман не разобрал. Он, впрочем, и не пытался больше вникнуть в тонкости разговора, выражения лиц и жесты собеседников. Первые слова сказаны, теперь болтать до утра можно, но Ильмар Крест разговоры вести подолгу не привык, он-то не

переговорщик. Теперь надо рубить наотмашь.

– Вы сказали, что спрятали его... – начал Коста, но Ильмар не дал закончить. Он подался вперед и заговорил:

– Артюх знает такое, чего никто больше в Московии не знает. А может, и вообще никто нигде. Что именно – не понял я. Мы его не пытали, он здоровьем слаб, под пытками запросто помереть может. Боли в груди его мучат, сильные боли, потому наркотик потребляет и... думаю, болен он смертельно. Я только поговорил с ним. Старик бормочет что-то про Нарочь, про железные двери, небеса, которые в гнев спалят землю, про какой-то Трон... Вроде и бред слабоумный, но раз вы к этому всерьез, то и я всерьез. Я так понимаю, он вас должен в какое-то место отвести. К Нарочи. Как он вам поможет с московским Храмом разобраться – не знаю. Но поможет, иначе бы все это не затевали. Однако Артюх теперь у меня. Хотите его получить? Ладно. У вас свой интерес, у меня свой.

– Какой? – спросил Коста.

– Москва. Вы желаете, чтоб киевский Храм один остался, чтоб не было двоевластия в Ордене. Так?

Помедлив, Коста кивнул.

– А я хочу Москвой править. Вы, прежде чем со мной тогда сталкиваться и бригаду присылать, узнавали ведь про меня. Кто я, откуда, где юность прошла...

– Узнавали, – сказал Мирч. – Все про тебя знаем, Крест.

– Тогда понимаете, почему я согласился на это дело. Почему вообще с вами говорить стал.

– Мы заплатим золотом, – произнес Коста. – За похищение Артюха вам предложили двести монет. Это очень много. Если...

– Мне не нужны киевские червонцы. Мне нужна Москва.

Ильмар смолк, потому что Коста вдруг выпрямился и стал расстегивать пуговицы на плаще. Быстрым движением скинул одежду на спинку лавки, сел, уперев локти в колени, склонил голову, оперся лбом на кулаки. И замер.

Атаман с Прохором переглянулись, помощник пожал плечами. В шатре стало прохладнее, Ильмар кивнул на очаг. Прохор подошел к нему, подбросил поленьев, кочергой поворошил угли.

Мирч все это время пристально следил за Прохором, а Коста сидел неподвижно. Сухо потрескивали дрова, стреляли искрами, те вылетали в широкий дымоход. Ильмар уже собрался нарушить молчание, когда переговорщик поднял голову и заговорил:

– Мы можем дать вам Москву, атаман Крест. Со времен Погибели здесь не было ни одного управителя, который бы командовал всеми кланами. Что же, Ордену даже лучше, если такой появится. Если управитель этот будет дружелюбен к Храму киевскому. Будем вместе дела решать. Но есть кое-что, очень важное, что надо сделать, чтобы добиться своего. И вы сделаете это для нас. Вместе с нами.

– Что? – спросил Ильмар.

– Знаете вы, что в московском Храме готовятся к походу вглубь Пустоши? Они пойдут в то самое место, про которое вы слышали от Зиновия Артюха. И они понесут с собой ключ. Хотя на самом деле этот артефакт – нечто совсем другое, просто удобнее всего называть его ключом. Мы должны остановить их. Уничтожить караван, завладеть ключом. Тогда станете управителем Большой Московии, атаман Крест. Мы поможем вам в этом.

Ильмар хотел спросить, когда караван

выступает из Храма и сколько там будет людей, но не успел, потому что киевский переговорщик добавил:

– И еще, атаман. Владыка Баграт велел передать вам, что, по его сведениям, с караваном пойдет сам Преподобный Гест.

*

Хэнк выглядел как молодой бычок. Высокий, лобастый, кулаки точно гранитные булыжники – здоровяк держался на месте бригадира исключительно благодаря силе. Нижняя губа, большая и синяя, пораженная какой-то болячкой, отвисала чуть не на подбородок.

Бригадир медведковских развалился на лавке, где недавно сидели киевские. Окинул взглядом шатер, сунув руку под безрукавку из дубленой кожи, почесал грудь и уставился на атамана.

– Выступаем завтра на закате, – начал Ильмар. – Расставь...

– Скажи своему рыжему, – перебил Хэнк, подавшись вперед, – что если он еще раз тронет Стеню, я лично привяжу его к лошади и протащу по Ленинскому тракту. А потом подвешу на фонарном столбе при въезде в город.

Ильмар с трудом поборол желание выстрелить из обреза в наглую рожу. Оружие по-прежнему висело у стенки ларя, но сейчас неподходящий момент. Медведковские давно вместе, и Хэнк ими верховодит не первый сезон, а устраивать разборки в лагере... пусть бычок пока живет. Еще будет повод ему кишки выпустить.

– Посты расставишь на холмах, – проглотив слова Хэнка-Губы, снова начал атаман Крест, глядя в глаза бригадиру. – И конный разъезд отряди в пойму к старой дороге, чтоб за трактом наблюдали и заставой Ордена, что на въезде в город. И чтоб тихо себя вели. Ферму не трогать, у них там второй день движение, обоз за обозом в город уходит. Видать, сворачивают дела, ферма давно себя изжила, болотом стала. Значит, уйдут бурильщики отсюда в новую долину своих улиток плодить. Ты понял?

Хэнк задумчиво потрогал пальцами болячку на губе.

Ильмар вдруг вспомнил про ключ, о котором говорил Коста. Что за ключ? Для чего? Какой замок отпирает, может, те железные двери, о них в бреду болтал Зиновий? Или... Киевский переговорщик утверждал, что ключом обозвали некий артефакт, а потом Коста умело перевел разговор на другую тему...

Захотелось зевнуть, атаман провел ладонью по щетинистому подбородку, тряхнул головой.

Все. Надо выспаться, завтра быстро снять лагерь и выдвигаться к тракту. Только перед этим Артюха допросить про ключ.

Хэнк достал из-за уха сигарку, понюхал, покатал в пальцах и поплюнул кончик. Поднявшись с лавки, шагнул к очагу, прикурил, пыхнул сизым дымком. Шатер наполнился сладким духом дурман-травы.

Когда Губа вернулся на место, Ильмар выдернул из-под крышки ларя ремешок – звякнула посуда, – машинально положил обрез перед собой.

Бригадир дернулся, уставившись на взведенные курки. Пепел с сигарки, зажатой между зубов, упал ему на штаны и прожег дырку в паху.

– Смотри, причиндалы сгорят, – усмехнувшись про себя, произнес Ильмар.

Хэнк вскочил с лавки, хлопая ладонью по штанам.

– Потуши мастырку. – Атаман отпустил обрез и перебрался на лежанку.

Подтянув ремень с кобурами и кинжалом, вынул один пистолет, положил в изголовье. Накрывшись кожаной курткой, приподнялся на локте – бригадир послунывил пальцы и загасил окурок. Ильмар сказал:

– Ступай, Хэнк, вели своим людям отдыхать. Увижу утром кого пьяным, не буду разбор учинять, а сделаю так, как ты хотел поступить с Прохором. Это ясно?

Бригадир, кивнув, шагнул к выходу.

– Стой, – громко сказал Ильмар.

Хэнк обернулся. В шатер заглянул Калев, беглым взглядом окинул его и подался назад, исчезнув в темноте.

– Нарочь. Знакомо название?

Бригадир пальцами оттянул губу, ковырнув болячку, ответил:

– Кажись, за Минском озеро такое есть.

– Откуда знаешь?

– Так это... Стеня с-под Минска родом. Жил рядом с монастырем, что возле озера того стоит. Рассказывал, как лихорадка народ косить стала,

побёгли оттуда все. Только отшельники в Свири и остались. Они еще...

– Теперь ступай, – оборвал Ильмар.

– Ага, – Хэнк вытер испарину со лба. – В разъезд пошлю Юла и Метиса.

И откинул полог.

– Да хоть маниса с бесхвостым мулом, – пробурчал атаман.

Лег, зажав в кулаке распятого мутанта, висевшего на шнурке у груди, и тут же заснул.

Глава 4

Сумерки быстро сгущались. Город остывал, в низинах и над руслом повисла серая дымка. Наблюдатели на верхних этажах башни включили прожектора, луч одного выхватил из полутьмы мост над болотистым руслом. С реки доносилось громкое кваканье. Крыша Арены стала похожа на низко плывущую платформу, когда по краю вспыхнула гирлянда огней, замкнувшаяся в огромный эллипс. На острове в палаточном лагере торговцы разожгли костры, и звезды на башнях Цитадели заиграли багровыми отблесками. Храм Ордена будто воспарил над рекой, туман скрыл берег под ним.

Оглобля опустил на лавку под окном, сунул между колен винтовку и стал наблюдать, как на складских галереях суетятся башмачники: стаскивают к лебедкам мешки с фуражом, получают оружие в арсенале. К нему подкатился Панк с каким-то вопросом, но, напорвшись на колючий взгляд, отошел.

Иногда сквозь кваканье, бряцанье и гул разговоров прорывался скрипучий голос Гуго. Сапожник метался от склада к складу, пытаясь уследить, чтоб никто не стащил лишний ящик патронов или консервов, не умыкнул канистру с бензином.

Беготня и сборы всегда раздражали Оглоблю. И помогать Гуго, принимая во всем этом участие, он не собирался. А что до приказа хозяина... перебьется хозяин. Архип со своими властными манерами, привычкой контролировать все в башне и ко всему придираться надоел старшему бригадиру. Его давно сменить пора, Архипа. У Оглобли есть несколько парней, рядовых бойцов, готовых пойти за ним. Хотя он пока не вел с ними речей о бунте, опасаясь предательства, но знал, что в случае чего они поднимут стволы против главы клана, если пообещать каждому будущее бригадирство и ослабление дисциплины. При Архипе-то вон все как строго. А Оглобля посулит, что при нем вольности больше будет, вот и пойдут за ним люди, особенно те, что помоложе. А после, став хозяином, он им свободы, конечно, не даст, наоборот, прижмет так, что и пикнуть не посмеют. С кем-то из бывших приспешников разделаться сразу после захвата власти надо будет, вон с тем же Копытом – слишком наглый и строптивый, да и сам потом станет метить на место нового хозяина.

Оглобля подпер подбородок кулаками, размышляя. Теперь-то, конечно, придется повременить. Поход этот неведомо куда, неведомо зачем... Главное – выжить в нем да себя во всей красе показать. Тогда по

возвращении получит в распоряжение летучую бригаду, «тевтонцев», ракетометы. И в бригаду ту людей будет отбирать, ясное дело, он сам. Не понимает хозяин, что под себя копает! Именно бригада и станет костяком бунтовщиков. Тачки, оружие... Конец Архипу.

Он повернулся к окну и уставился во двор, залитый светом прожекторов. Конюхи готовили телеги, смазывали ступицы, подбивали гвозди на бортах. Под навесами возле мотоколясок копошились механики клана. Тарахтел двигатель бензовоза, недавно купленного Архипом у нефтяников за бешеные деньги. Машина ценная и незаменимая в дальних походах. Цистерна длиною в сорок локтей имела внутри две секции, в одну заливали воду, в другую бензин. На бока спешно навешивали броню, если на караван нападут, то подорвать бензовоз зажигательными пулями будет нелегко. Опять же поди угадай, в какую половину стрелять – где вода, где бензин?

В кабину бензовоза забрался сухопарый Гаврила в засаленном комбезе, крикнул что-то стоящему возле переднего колеса Паскалю, хлопнул дверцей. Мотор взревел, вонючий дым вырвался из выхлопной трубы, машина дернулась и покатила к выезду со двора.

Часовой распахнул ворота, цистерна, покачиваясь, выплыла на дорогу по широкой

дуге и поползла вдоль решетчатой ограды к автозаправке, которую Южное братство поставило на съезде с эстакады.

Оглоблю окликнули с галереи, но он не пошевелился – в свете фар под забором мелькнула знакомая фигура в безрукавке и коротких штанах. Каспер! Куда это он намылился, его ж Архип под замок посадил? Старший бригадир выпрямился, перехватив винтовку, но тут кто-то взял его за локоть. Оглобля хотел двинуть прикладом, однако вовремя остановился.

– Чего сидишь? – спросил Архип. – Я тебе что сказал? Вниз давай.

– Иду, иду. – Повесив оружие на плечо, Оглобля быстро зашагал к лестнице.

*

Перемахнув через забор, Вик присел, оглянулся – на складских галереях кипела работа. Чего это они? В поход, что ли, собираются, о котором переговорищик Дюк обмолвился? Это сейчас только на руку, не до беглеца им будет.

Он бросился под эстакаду, к старой дороге, ведущей в Сетуньскую пойму. Вскоре башня клана осталась за спиной; слева раскинулось

русло реки, зашитое в гранит, справа высились горы мусора, из них торчали бетонные опоры моста.

Набережную под эстакадой перегородили по распоряжению Архипа пару сезонов назад. Притащили ржавый автобус и навалили кучу покрышек, оставив для машин и повозок съезд возле бензоколонки.

Забравшись на гору старой резины, Вик пробежал по крыше автобуса и спрыгнул на потрескавшуюся мостовую. Прислушался к рокоту бензовоза, поправил патронташ и пошел к холму, поросшему терновником.

Когда эстакада осталась далеко позади, он пересек старую дорогу, за которой раскинулись нищие кварталы, и начал спускаться в ложбину, все дальше уходя от людных мест. Кварталы – место убогое и опасное. Днем здесь процветает торговля краденым, ночью же легко заплутать да и сгинуть где-нибудь в помойной яме, получив камнем по голове или ножом под ребра.

Через ложбину протекал неглубокий ручей. Миновав его, Вик остановился. Скинул с плеча дробовик, услышав шорох за спиной, присел. Мутафагов тут давно монахи истребили, а мутантов можно встретить только за Разломом – может, сурки в терновнике драку затеяли или

лисица забрела с пустырей? Оглянувшись, он замер. Все стихло, только издалека доносилось гудение бензовоза. Вроде нет никого – и быстро зашагал по оврагу в сторону холмов, за которыми стояли лагерем бурильщики.

*

Сбежав по лестнице на нижнюю галерею, Оглобля едва не сшиб идущего навстречу Гуго. Старик проворно отскочил, выругался. Увидев, что выход на следующий лестничный пролет забит людьми, которые по цепочке спускают во двор ящики с боеприпасами, старший бригадир кинулся на южный балкон. С разбегу перемахнул ограждение и приземлился перед Паскалем. Круглолицый верзила отпрянул, схватившись за пистолет, но разглядел в сумерках знакомое лицо.

– Ты чего, старшой?!

– Дорогу! – прорычал Оглобля. Оттолкнув Паскаля, он подбежал к мотоциклетке возле навеса, где сустились механики. Хотел было завести, но передумал. Куда гаденьш мог пойти? В ночь-то? Может, в том месте на машине не проехать будет, да и урчание двигателя Каспер услышит. Нет, пехом надо.

Сжав кулаки, Оглобля повернулся кругом,

посмотрел в сторону набережной, кинул взгляд на мост, под которым лежал ржавый автобус и гора старых покрышек.

В нищие кварталы? Нет, его замочат там, пикнуть не успеет. Тогда куда? К Арене? Через мост не пройдет, посты. Хотя смена не знает, что Каспера под замок посадили, а у него хватит ума запудрить головы часовым и перебраться на остров.

Рокот бензовоза на автозаправке стих – Гаврила вырубил двигатель, когда началась перекачка топлива в цистерну. Отвлечшиеся при появлении старшего бригадира механики опять взялись за инструмент. Звякали гаечные ключи, булькал бензин, который переливали в баки из канистр. Взгляд Оглобли зацепился за кирпичную коробку у ворот. В будке часового есть телефон, Гуго прокинул линию между нею и постом на мосту, когда Архип захотел, чтобы с часовыми была связь. Необычное это устройство, телефон, ручку там надо крутить, как на патефоне, к уху трубку железную прикладывать, говорить в микрофон, а слышимость плохая, трещит что-то внутри, слов не разобрать...

Оглобля подбежал к будке, распахнул дверь и крикнул с порога:

– Самогонку жрете, гады?!

В комнатке, озаренной тусклой лампой, за маленьким столиком сидели двое. Они оглянулись на дверь, старший бригадир вошел внутрь и с ходу съездил кулаком в челюсть доходяге Киле. Светловолосого Шмидта ухватил за ворот, вытащил из-за стола и прорычал:

– Крути патефон, тьфу, телефон! С мостом говорить буду.

Шмидт потянулся к аппарату в черном металлическом корпусе, висевшему на стене рядом с окном. Крутанул ручку, что-то пробубнил в трубку и передал Оглобле.

– Козьма на связи.

– Козьма! – рявкнул старший бригадир в микрофон. – Каспер на эстакаде был?

В трубке затрещало, пикнуло, хрюкнуло...

– Че?

– Я те чекну щас! – вконец озверел Оглобля. – Прям щас приду и по морде прикладом чекну! Каспера видали на мосту?!

– Под мост... – в трубке захрустело. – ...холму почесал.

– Чего?

– К ручью Каспер побег...

Оглобля швырнул трубку Шмидту. Посмотрел на стол, смахнул железную кружку, та со звоном отлетела в угол – на столешнице остались два желтоватых костяных кубика с черными точками на гранях.

– В кости режетесь! Один к воротам, второй на порог. Вернись, душу вытрясу!

Он выбежал на улицу.

Значит, гаденыш в Сетуньскую пойму пошел. А дальше... куда дальше? А за город по старой дороге! За северный фронтир уйти хочет. Если к каравану какому прибьется, ищи потом.

Оглобля сплюнул и кинулся к воротам.

*

Сетуньскую пойму заливал лунный свет. Затон со всех сторон окружали облепленные мхом развалины – торчащие из воды балки и части стен служили естественной границей водного бассейна. Такие затопленные поля бурильщики создают при помощи особых установок, сначала взрыхляют землю плугами, которые волокут

сами либо впрягают мутафагов, после забуривают скважины и наполняют бассейн. На осоке, растущей между балок, живут улитки с крепкими серебристыми панцирями. Ферма снабжает Москву улиточным мясом и панцирной крошкой, пока не превратится в болото, – тогда бурильщики перебираются в другую низину, чтобы начать все заново.

Вик пробирался между кустов, удивленно озираясь. Почему так тихо? И темно – ни огня. Чтобы уменьшить запах, он достал из заднего кармана платок, который всегда таскал там, и завязал на лице. Хорошо, что эта ферма старая и улиток тут уже нет – иначе поле благоухало бы, как целая плантация дурман-травы. Испарения улиточной слизи вредны: если ими дышать изо дня в день, мозги превращаются в проходной двор для всяких странных мыслей и диковатых видений. Поэтому большинство бурильщиков, особенно те, что давно занимаются своим делом, люди, мягко говоря, чудаковатые. Глаза у них блестят, и они часто напевают себе под нос всякую ерунду.

Он сделал еще несколько шагов и наконец понял: фермеры съехали! Уже! А ведь еще позавчера были здесь. И киборг Георг, местный механик, помогавший наладить топливный насос в мопедке, говорил, что хозяева фермы собираются сворачивать не раньше, чем через

два дня. И вот на тебе – уехали!

А как же мопедка?!

Вик рванул вперед. Улиточный дух усилился, и в голове словно ветер подул. Ветер, несший странные запахи и нечеловеческие, далекие голоса. Они перекликались на чужеродном наречии, постепенно становясь все громче. Вик сжал зубы и помотал головой, пытаясь отделаться от наваждения. Как же так, почему Георг не предупредил? Да нет, как он мог предупредить – киборг на ферме простой механик, если решили старшины срочно уехать, то он тут ничего поделывать не мог, да и работы на него во время сборов много свалилось, как бы он с фермы отлучился в башню башмачников?

Каспер перешел на шаг, внимательно глядя под ноги, опасаясь змей. Что теперь делать? Возвращаться в башню? Но ведь там Грива уже в себя пришел или вот-вот придет, шум тогда поднимется, и если сейчас назад заявиться к Архипу под горячую руку, так тот беглеца вообще пристрелить может на месте! Что там «может» – наверняка и пристрелит! Вик остановился возле старого сарая, где держал свое хозяйство Георг, заглянул внутрь, потом вошел. Здесь было совсем темно. Ведя ладонью по стене и царапаясь о сучки, он пересек сарай и под дальней стеной в совсем тусклом свете звезд, льющемся сквозь

окно, разглядел кучу ветоши. Присев, разгреб вонючие тряпки, расшвырял в разные стороны... Вот она, мопедка!

От облегчения и радости у него даже голова слегка закружилась. Взявшись за рулевую вилку, Вик вывел машину наружу. Любовно оглядел мопедку и широко улыбнулся. Он сам поменял тросик сцепления на новый и поставил топливную иглу. Ну, не совсем сам, Георг помог... Вик отвернул кран подачи топлива, немного прокатил легкую машину. Сел, зажал левый рычаг на руле, поставил ноги на подножки. Мотор завелся с пол-оборота. Он крутанул ручку газа, подъехал к воротам в покосившемся плетне на другой стороне фермы. Выключив сцепление, топнул по рычажку скоростей; двигатель заурчал на холостых, мопедка остановилась.

Вик глубоко вдохнул сырой воздух. На небе ни облачка, мерцают звезды, темная прохладная ночь раскинулась над Москвой. Ночь, полная звуков, быстрых силуэтов, шелеста... полная опасности. К своим возвращаться нельзя. Да и какие они теперь ему свои? Расправив плечи, Вик включив скорость, газанул и выехал на старую дорогу за фермой.

*

Метис и Юл, отправленные Хэнком Губой

присматривать за старой дорогой и заставой Ордена, спустились в подлесок по склону холма и остановились. Оба, пока кружили на лошадях возле Сетуньской поймы, быстро сошлись во мнении, что лучшего места для наблюдения за смычкой дороги и тракта не найти. Спешившись, бандиты привязали коней к деревьям и уселись под кустом волчьей ягоды.

С косогора открывался хороший вид на залитую лунным светом долину. Вдоль старой дороги чернели остовы автомобилей, между ней и подлеском раскинулось целое кладбище ржавых машин. Груды искореженных кузовов и горы покрышек привлекали механиков московских кланов, приезжавших сюда днем на самоходах в поисках запчастей. Справа светилась огнями древняя крепость. Преподобный Гест превратил ее в заставу северного фронта и дал имя – Октагон.

Коренастый, с квадратным подбородком и перебитым в драке носом Юл неспешно размотал скатку, постелил на траву, лег. Сунув под голову котомку с припасами, обнял карабин и сказал:

– Разбудишь, если чего вдруг.

Метис кивнул. Он был жилист и смугл и носил шапку курчавых волос. Дождавшись, пока напарник засопит, Метис достал из котомки

кисет, папирус и сноровисто забил самокрутку. Вынув огниво, хотел прикурить. Юл громко шмыгнул носом, приподнявшись на локтях, раздраженно бросил:

– Не вздумай зельем шмалить. Ветер с холмов, хочешь, шоб с заставы по нам с пулеметов лупанули?

Юл годился Метису в отцы. Он считался среди медведковских одним из самых опытных следопытов-разведчиков и лучше всех в клане знал Большую Московию. По молодости сопровождал сцепки с горючим до самого Минска, бывал пару раз в Киеве, после служил диверсантом в отряде Южного братства и жег вышки конкурентов топливных кланов за Разломом. Но, повздорив однажды со старшиной – поговаривали, что спор у них вышел за дешевую шлюху, – Юл зарезал того в поединке и сбежал из клана.

– Гляди-ка, – Метис указал самокруткой в долину. – Кто ето там?

Сев, Юл поджал ноги, положил карабин на локтевой сгиб, выцеливая рослую фигуру на старой дороге.

– А здоровый мужик, да? – не унимался Метис. – И, похоже, ружье у него.

– Заткнись, – шепотом приказал Юл. – К нам чешет, раствори его некроз. – Он обернулся. – Лошадей отвяжи, если этот мутант в подлесок полезет, надо кончать его. Только тихо. Я все сам сделаю. Та́к вот.

Метис, подхватив котомку, поднялся на ноги. А Юл, повесив карабин за спину, вынул из-за пояса электродубинку, встал на четвереньки и начал спускаться по склону к зарослям терновника.

*

Оглобля бежал долго и в конце концов, выдохнувшись, перешел на шаг. Впереди мерцали огни на стенах Октагона. Оглянувшись, башмачник прикинул расстояние от крепости до поворота, за которым скрылся обоз бурильщиков, и скрипнул зубами от злости.

Вот мутафагово семя! Надо было таки догнать щенка в затоне, но старший бригадир всегда плохо переносил улиточный дух. Сообразив, что беглец именно к бурильщикам идет, Оглобля ферму обошел, чтобы подстеречь Каспера за ней, и лишь потом понял: нельзя тут щенка брать в оборот. Монахи неподалеку – стрельбу точно услышат, прожекторы зажгут и патруль вышлют, чтобы дорогу проверить.

У обочины чернела бесформенная масса. Пройдя мимо останков искореженного автомобиля, старший бригадир остановился, размышляя, стоит ли пересекать кладбище машин или все-таки тут напасть на Вика. Беглец полюбому здесь появится. Не станет же он на ферме отсиживаться – какой смысл? Видать, щенок хотел с бурильщиками в Пустошь идти, не знал, что те сегодня днем съехали. Значит, что делать будет? За фронтир побежит, нет у него других вариантов. Оглобля, если в этом подлеске на холме укроется, его и кончит. А если без стрельбы не обойдется, сам по холмам выберется обратно в пойму...

За спиной раздался негромкий рокот, как от мотоцикла. Нет, тише как-то, слабее. Это еще что такое?

Перехватив оружие, Оглобля побежал, огибая ржавые остовы, перепрыгивая покрышки, изредка бросая взгляд на заставу. Вдруг на стенах оптические трубы имеются, луна светит, как фара у сендера, – заметят из крепости, тогда не до щенка будет: пулеметами срежут. А ведь у них там шестиствольный харьковский «гатлинг», который кирпич в труху молотит, за ржавой машиной уже не спрятаться, крупнокалиберная пуля старую железку навывлет бьет. Надо скорей до подлеска добраться, там деревья.

Он снова обернулся, но тень от высокого кустарника вдоль дороги мешала рассмотреть, кто это там выехал из поймы. Неужто щенок на мотоцикле? Откуда взял? Или на ферме прятал, у киборга, а бурильщики машину с собой не увезли, ему оставили?

Тяжело дыша, Оглобля взбежал по склону, выставив перед собой винтовку, вломился в терновник и тут же повалился на землю за кустом. Успокоив дыхание, перевернулся на живот.

Внизу показался Каспер на небольшой мопедке. Фару он предусмотрительно не зажег. Съехав с дороги, медленно покатил к холму, лавируя между искореженных кузовов, иногда пропадая из вида. Преодолев кладбище машин, прибавил скорость, чтобы влететь по склону одним махом.

На стене Октагона включился прожектор, толстый луч мазнул по дороге, скользнув в долину, перекинулся на косогор.

Когда луч выхватил из темноты мопедку, Оглобля выпрямился, вскинул винтовку, но тут за спиной раздался щелчок, треск, потом что-то твердое ткнулось под лопатку, и тело скрутила судорога.

*

Вик пересек низину, стараясь сильно не газовать, выехал к подножию холма.

На заставе вспыхнул прожектор – таиться дальше не было смысла.

Выкрутив газ до упора, Вик пригнулся к бензобаку. Мотор взревел, пружиня амортизаторами, мопедка рванулась вверх к подлеску. В пальцах кольнуло, ладони обожгло, будто он схватился за оголенный провод под напряжением. Ощущение было такое, что рядом вот-вот разрядится конденсатор. Вскрикнув, Вик отпустил руль. Мопедка подпрыгнула на кочке, вильнула. Он слетел на землю, больно стукнувшись плечом, приклад дробовика за спиной саданул по затылку.

Рядом в терновнике раздался треск электрического разряда и гортанный возглас. Жажнул выстрел. И тут по кустам хлестнули трассы пуль. Через мгновение долетел сухой стрекот «гатлинга», а на вершине холма заржали лошади.

Монахи не скупилась, поливали из пулемета подлесок, выкашивая кустарник, валя молодые деревца. Повсюду свистели пули, рыхлили землю. Рикошеты светлячками взлетали в небо и

таяли.

Несколько комочков свинца со звоном врезались в мопедку, продолжавшую реветь мотором в двух шагах от Вика. Почувяв запах бензина, он прикрыл голову, зажмурился. В следующий миг взорвался бензобак. Плечи и спину окатило волной горячего воздуха, по правой руке будто наждаком прошлись. И пулемет смолк.

Вик лежал, уткнувшись носом в траву, боясь посмотреть. Он открыл глаза, только когда в низине загудел двигатель. Вокруг стало светло как днем, лучи прожекторов скрестились на изрядно поредевшем подлеске. Вместо кустов вверх торчали кривые ветки высотой до колена, чадила едким дымом мопедка.

Ветер донес с вершины удаляющийся стук копыт.

Встав на четвереньки, Вик обернулся. Лавируя между остовами автомобилей, по ухабам к склону неслись скоростные «тевтонцы» Ордена. Широкие колеса, усиленные рессоры, вместо корпуса сваренная из труб рама и двигатель впереди. Никаких стекол, водителя прикрывает сетка, по бокам – броня. За спиной у него площадка, над головой изогнутая рама, на которой в ряд закреплены фары, в кузове три

кресла, там стрелки. Глушителя нет, поэтому грохот такой, что за версту слышно.

Рядом скользнула тень. Отпрянуть Вик не успел, лишь прикрыл ребра локтем. Удар отбросил его на спину, из груди с шумом вылетел воздух. Сильная рука сцапала за ушибленное плечо, оторвала от земли. Вик хрипло вдохнул. Его швырнули вниз по склону. Он упал плашмя. Громко щелкнули челюсти, на зубах заскрипел песок. Вик потянулся за спину – пальцы схватили пустоту, дробовик исчез.

Сил едва хватило на то, чтобы перевернуться. Он увидел застывшего перед ним человека в бойцовой стойке. Одна рука повисла плетью, рот перекошен, кожа на лысом черепе сморщилась.

– Ты! – выдохнул Вик.

Снизу бахнул штуцер, еще один: монахи на «тевтонцах» открыли огонь. Отскочив, Оглобля упал на землю и больше не поднимался.

Ревя моторами, машины взобрались по склону. Первая остановилась у подлеска, водитель заглушил двигатель, другая устремилась к вершине холма.

Вик попробовал шевельнуться. Правая рука плохо слушалась, в боку колело, в голове шумело

от стрельбы и рева моторов. Кругом метались тени.

– Замри!

В грудь ему ткнулся широкий срез ствола.

– Не убивать! – раздался властный голос из машины. – Связать – и в крепость.

– Я бригадир ба... – Оглоблю саданули в лоб прикладом, добавили ногой по ребрам, и он обмяк.

Не церемонясь, Вика перевернули, треснули по затылку, набросив по кожаной петле на кисти, туго стянули руки за спиной. Рванув за плечи, приподняли и поволокли к «тевтонцу», кинули на жесткие сиденья сзади, рядом погрузили Оглоблю, который пришел в себя после ударов и что-то мычал. Оглушительно взревел двигатель, и «тевтонец», развернувшись, покатил вниз.

Когда машина въехала во двор заставы и остановилась возле одинокого фонарного столба, их выбросили на землю. Похоже, столб использовали еще и как дыбу или виселицу. На высоте груди к нему был приварен поворотный механизм, от которого вверх уходил железный трос, пропущенный через роллер-блоки, а под тускло светившей лампочкой болталась петля.

– На колени, нечестивцы! – скомандовал все тот же властный голос.

Поставленных на колени пленников окружили монахи.

– Кто такие? – спросил подошедший жрец в желтой тоге. Он был на голову выше Оглобли и шире в плечах.

– Думаю, этот, – начал отдававший команды монах, указав на Вика, – мопедкой рулил. А другой из братвы Креста будет. Вели пытать их, брат Рут, они вмиг нам...

– Нет, Федор, – оборвал жрец. Шагнув к пленникам, ткнул Оглоблю толстым пальцем в лоб, и тот качнулся. – Ты! Я знаю тебя, башмачник. Что делал здесь?

Вик покосился на старшего бригадира, который что-то пробурчал бессвязно.

– Федор, чего он бормочет? Эвона его перекосило.

– Не ведаю, брат Рут. Он уж был таким, токмо мальчишку пытался поколотить. Ну, мы пресекли.

На заставу вернулся второй «тевтонец».

Подбежавший к жрецу монах доложил, что на холме был еще кто-то, но ускакал на лошадях, и протянул электродубинку. Рут кивнул, pokrutil в руках дубинку, взглянул на Оглоблю.

– Теперь ясно, – обратился он к Федору, – почему он едва языком ворочает, током долбанули.

– Я... – вдруг произнес Оглобля, задрал голову, – я з-за щенком гнался.

– Странно ты как-то гнался, друже, – взирая на него сверху, сказал Рут. – Ты на склоне хоронился, где люди Ильмара Креста были. Они за Октагоном слезку вели. Ты в сговоре с ними? Лучше отвечай честно. А потом и мальчика послушаем, – Жрец бросил взгляд на Вика. – Чтоб установить, как дело было.

– Н-не знал я, что там... е-е-еще кто-то, – прохрипел старший бригадир. Громко сглотнув, тряхнул головой. – Щенка Дюк утром должен в Храм забрать. – Он наконец справился с заиканием, и кожа на лысине разгладилась. – А тот сбежал. Не хочет в Канториум...

– Дюк? Канториум? – Жрец повернулся к Вику, потом переглянулся с Федором.

– Слишком взрослый для бурсы, – сказал

последний.

– Переговорщик его в старшие классы определил, – вставил Оглобля.

Заложив руки за спину, Рут спросил Вика:

– Кто таков?

Тот опустил голову.

– Сын Каспера, – ответил за него старший бригадир.

– Странника?

– Да.

Вик подумал, что слишком часто за сегодняшний день вспоминают отца. Украдкой глянул на жреца – лицо вытянутое, нос тонкий, густые волосы зачесаны назад.

– Продолжай, башмачник, – произнес жрец после раздумий.

– Дюк Абен с нашим Архипом договорился, что утром за шакаленком приедет. Ведь с вами оговорено, что завтра караваном совместным выступаем.

Рут кивнул.

Вик хотел открыть рот, оправдаться, но понял: доказывать что-то бесполезно. Одно хорошо, Оглобля теперь до него не доберется. А ведь преследовал, чтобы убить. И на холме прикончить его пытался.

Слушая вполуха рассказ старшего бригадира, Вик думал, как тот снова лихо повернул дело в свою пользу. И лучше сейчас помалкивать, а если жрец все-таки пожелает ему слово дать, то сразу повиниться, мол, испугался храмовых порядков, некроз мозги разъел, потому и решил пуститься в бега.

– Складно поёшь, – хмыкнул Федор, когда Оглобля закончил рассказ.

Рут, напротив, был серьезен.

– Вышли людей прочесать холмы, – приказал он, и усмешка исчезла с лица монаха. – Действовать скрытно. На стенах караулы усилить, наблюдать. Этих двоих с рассветом к башмачникам отвезешь. Мальчишку передашь Архипу и дождешься брата Дюка. Когда убедишься, что он забрал послушника, на заставу возвращайся.

– Ясно, брат Рут. Яшка!

Жрец развернулся и зашагал к крепостной

стене.

– Тут я, Федор. – В круг света ступил молодой монах.

– Пленников в курятник, и охранять, чтоб не поцапались там. Утром с Акимом поедете со мной до башмачников. Будите сменщиков. В дозор назначаю...

Вика и Оглоблю подняли, ткнули в спину стволами штуцеров и погнали к приземистой постройке, примыкавшей к крепостной стене.

Глава 5

Архип Дека пнул сапогом камушек, проследил, как тот допрыгал до гранитной лестницы, ведущей на галерею первого этажа, и уставился во двор.

Бригада давно построилась в колонну. Осталось только скомандовать, и часовой распахнет ворота. Первыми пойдут два мотоцикла с колясками, за ними полтора десятка верховых, потом обоз; в арьергарде бензовоз и еще один небольшой отряд всадников.

Заложив руки за спину, глава клана повернулся к Вику с Оглоблей, которые стояли посреди опустевшей галереи. Доставившие их хмурые монахи сказали только, что изловили обоих под стенами Октагона, ночью, и удалились во двор дожидаться переговорщика Дюка.

Архип положил ладонь на деревянную кобуру с маузером, сбил пальцами пылинку с воротника кожаной куртки. Придирчиво осмотрел свои начищенные до блеска сапоги и сказал:

– Ну?

Вик покосился на Деку и отвел взгляд.

– Молчите? – Архип стал мерить галерею

шагами. – Оглобля, тебе что было сказано? Я тебе бригаду доверил...

– Дык я его ловил!

– Ты людей должен был поднять, а не самолично по городу бегать! Ночью! А если б тебя в нищих кварталах завалили?! Мне доложить, приказ получить, только потом... – Дека развернулся к Вику: – А ты? Обмануть меня вздумал? Сбежать?! Ты ж... Я тебя...

Он задохнулся от злости. С рокотом во двор вкатился сендер и подрулил к «тевтонцу», в котором ожидали монахи. Архип плюнул с досадой и продолжил, когда шум двигателя смолк:

– Ваше счастье, что времени нет. А то бы... – Он снова положил ладонь на кобуру. – Старшим бригады пойдет Копыто. Оглобля, ты у меня теперь в обозных числиться будешь!

С лестницы донеслись шаги, и Архип обернулся.

Переговорщик Дюк встал на верхней ступеньке, разгладил бороду. Одет он был по походному, но дорого: шитые на заказ ботинки с толстой ребристой подошвой и высокой шнуровкой, свободные штаны из плотной ткани,

черная полуряса с капюшоном. Патронташ через грудь, на поясе тесак в петле, в открытой кобуре однозарядный пистоль «контендер». Очень редкое и ценное оружие, может стрелять винтовочными патронами, рукоятка и ложе из орехового дерева, ствол из нержавеющей стали.

Дюк коснулся распятия на груди, с любопытством взглянул на Вика и Оглоблю, кивнул Архипу.

– Преподобный Гест велел молодого послушника в Храм доставить.

Глава клана махнул рукой и пошел к лестнице.

– Забирай.

– Вижу, бит Вик Каспер. Что произошло? Преподобный Ге...

– Забирай! – зло бросил Архип, обернувшись уже на ступеньках. – С глаз долой.

Дюк подошел к Вику.

– А ты чего стал?! – крикнул Архип бывшему старшему бригадиру. – Шагай в обоз!

Когда башмачники ушли, монах спросил:

– Почему грязен, лицо в крови, ссадины? В

таком виде на аудиенцию...

Вик молчал, таращась в пол.

– Где твои вещи?

Так и не получив ответа, монах пошел обратно, кинув на ходу:

– За мной следуй.

Вик посмотрел во двор. Архип громко отдавал команды, которые дублировал коренастый, низкорослый Копыто. Во дворе все пришло в движение. Оглобля с мрачным видом влез на телегу; обозные предпочли перебраться на соседнюю, лишь пожилой конюх остался на передке. Он покосился на нового пассажира, хмыкнул и отвернулся.

Заурчали мотоциклы, газанул бензовоз, чихнув сизым дымом. Распахнулись ворота, и колонна тронулась с места.

Отряд конных порысил за мотоциклами, а те, выскочив со двора, помчались к эстакаде.

– Послушник! – крикнул Дюк. Монах стоял на ступеньках, недовольно глядя на Вика.

Тот опустил голову и, понурившись, пошел к

лестнице.

*

Ревела выхлопная труба под брюхом сендера. Ветер трепал волосы, Вик прикрывался ладонью от воздушного потока и шурился. И это здесь, в городе, – а как оно в Пустоши? Он вспомнил рассказы отца. На пути к Минску лежат огненные топи – земля там горит. Нечем дышать, дым глаза разъедает. Между топями и Киевом пустыня на сотни верст. Барханы вышиной с двухэтажный дом, ветер закручивает пылевые смерчи. Не дай бог угодить в такой или оказаться близко: хорошо, если только песка наешься, а если унесет куда или засыплет? Есть еще Сухое море, в котором легко утонуть. Море – это лишь название, на самом деле там зыбучие пески ржавого окраса. Отец говорил, в тех местах часто случаются миражи. Палящее солнце раскаляет поверхность моря, в голове мутится, над песками встают фата-морганы, человек не может понять, реальность перед ним или видение. Бывало, целые караваны исчезали бесследно. Нельзя в Пустошь без опытного проводника...

Колонна башмачников полностью выползла на эстакаду, Дюк обогнал ее. Вик проводил кавалькаду взглядом и снова уставился вперед. Почему они к Лужникам поехали, им же на тракт надо?

И тут он вспомнил, что Оглобля говорил жрецу на заставе про совместный караван. Какие дела у Архипа с монахами? Он же их не переваривает, а тут...

Встречный люд жался к перилам моста. Дюк уверенно подрулил к западным воротам острова, не сбрасывая скорости, въехал на рынок. Принял резко вправо, чуть не снес бампер фермерского мототургона, медленно двигавшегося в общей очереди к торговым местам, и выскочил на гранитную набережную. Тут почти никого не было, играли только цыганские детишки да несколько обитателей нищих кварталов ожидали, когда колокол просигналит открытие рынка. Тогда можно юркнуть в толпу, обчистить карман какого-нибудь зазевавшегося торговца или покупателя, а если повезет, то и стащить с прилавка пару знаменитых на всю Пустошь арбузов Моста. В народе их зовут фляжками – ягода не портится месяцами, – ими в основном запасаются перед тем, как отправиться в Донную пустыню, в центре которой посреди огромного соленого озера стоит гладиаторский Корабль.

Объехав Арену по набережной, Дюк утопил педаль газа, и мотор взревел. Вик зажал уши ладонями, втянул голову в плечи. Сендер помчался вдоль палаточного лагеря торговцев. Справа потянулся берег заболоченного русла, мелькнул разрушенный мост.

Ощувив різкий запах, Вік чихнув, обернувся і разглядел слева от дороги в клубах пара над огромними, покритими копотью котлами мыловаренную башню.

Дюк выкрутил руль, сбросив скорость, направил машину в расчищенный от мусора проезд между развалинами и сразу ударил по тормозам.

Ремни, которыми монах велел пристегнуться к креслу, впились в грудь, дыхание перехватило. Когда сендер встал, Вік с громким выдохом откинулся назад. В проезде, шелестя покрывками по мелкому крошеву, остановилась другая машина. Передок ее украшала отлитая из бронзы голова буйвола с мощными рогами. Наверное, эта штука может послужить неплохим тараном.

В кузове сидели четверо монахов, один привстал, поднял руку и крикнул:

– Где мутанта словил?

Дюк накрыл ладонью черную кнопку рядом с рулем. Звук ревуна заставил Вика снова зажать уши. Переговорщику-то хорошо, у него на голове кожаный шлем с наушниками, надо себе такой же заиметь.

Заготовав, монахи просигналили в ответ, но дорогу уступать не пожелали. Дюк вскочил, достал откуда-то из складок полурясы большую золотистую бляху, поднял над головой.

Водитель второй машины вывернул руль, та, натужно гудя низкой передачей, взобралась на холмик из битого кирпича и щебня, освободив проезд.

Усевшись, Дюк толкнул ручку скоростей с набалдашником в виде черепа панцирного волка. Сендер дернулся и покотил вперед. Он нырнул под арку в здании, почти идеально сохранившемся со времен Погибели. С полукруглого свода вниз смотрели мраморные морды неизвестных Вику зверей, чем-то походившие на кошачьи, только очень уж грозные с виду и с гривами. Неужели такие твари обитали в Москве до Погибели?

За аркой монах вырулил на набережную. Храм, который Вик привык видеть с высоты птичьего полета, из белой коробочки с золоченным куполом и четырьмя башенками превратился в настоящую крепость: высокие гранитные стены, оббитые железом ворота...

И вдруг – только сейчас, увидев обитель ордена так близко, – Вик Каспер понял: все изменилось. Все. Его жизнь попала в новую

колею. Башня, клан башмачников, Архип и тетка Ирма – все это в прошлом. Он зажмурился, сжал кулаки.

И открыл глаза, только когда машина, сбавив скорость, вкатилась в распахнутые ворота Храма.

*

Первое, что увидел он во дворе, была знаменитая Стена-Погибель. Матово-черная, из цельного куска мрамора высотой в три человеческих роста – постамент огромной статуи Зачинщика Прилепы, основателя московского Храма. На стене перед воротами на скрещенных швеллерах висел человекоподобный мутант. Здоровый, лысый, чресла обвиты красным полотнищем, руки и ноги прикручены к железным балкам колючей проволокой, вместо кистей острые костяные клешни. Они чем-то напоминали дырчатые серпы, выкованные в Харькове. Видно, мутант силой был не обижен. Вик представил, как монстр с маху прорубает пластину панцирного волка, которые иногда вшивают в одежду, чтобы защититься от пуль, а вторым ударом сносит голову врага. На лысом черепе зияла стреляная рана, кожу непривычного пепельного оттенка покрывали пятна запекшейся крови.

Вик впервые увидел злое порождение

Пустоши так близко. Человекообразных мутантов немного, к Москве они не приближаются. Похоже, монстра, прежде чем пристрелить, пытали – грудь проломлена, одна рука неестественно вывернута в локте, плечо выскочило из сустава. На каменном полу под распятием темная лужа, присыпанная опилками. Вик сглотнул.

– Следуй за мной, – велел Дюк, выбираясь из машины.

Спрыгнув на землю, Вик с трудом отвел взгляд от распятого мутанта. Дюку привычно такое видеть, а его слегка замутило.

Ворота закрыли. Каменный двор был совсем узок, Вику казалось, что он очутился внутри гранитной кюветы, выбраться из которой можно лишь по широкой лестнице в три пролета.

На крепостных стенах несли караул жрецы-каратели в желтых тогах. Они не спеша прохаживались по деревянным мосткам, наблюдая за набережной, и Вик мимолетно удивился, почему дежурят не обычные монахи, а элитные бойцы Ордена.

– Тебе всегда нужно повторять дважды? – спросил Дюк, стоя на ступенях.

Вик поспешил к лестнице. Монах склонил голову перед каменным изваянием Прилепы, сложив ладонь лодочкой, коснулся лба. На всякий случай Вик сделал то же самое. Переговорщик зашагал по ступеням, ведущим на балкон перед статуей.

Вблизи Храм поражал величием и роскошью. Ставни с дверями обиты бронзой, в окнах узорное стекло работы киевских мастеров, стены побелены. По углам здания четыре башенки с зарешеченными бойницами, крышу венчает огромный золоченый купол.

Плац перед Храмом, выложенный тесаным камнем, был пуст. Переговорщик зашагал к зданию, Вик догнал его у южной стены. Распахнулась дверка, наружу выглянул низкорослый худощавый старик. Поправив шапочку из темного бархата, расшитую золотыми нитями, кивнул. Он держал карбидную лампу, на поясе висели ключи.

Окинув взглядом новичка, ключник сказал: «Мыться, стричься – немедля», – и попятился обратно в низкий проем.

Дюк, пригнув голову, шагнул внутрь, Вик за ним.

Свет лампы скользил по низким сводам.

Неуютно тут было, страшновато, словно в подземелье попал, хотелось поскорее выбраться обратно на улицу или в какое-нибудь просторное помещение с окнами. Они повернули раз, второй, третий... Вскоре Вик запутался и уже не мог определить направление, откуда они пришли, где север, где юг. Начал было считать повороты, но быстро бросил. Коридор иногда раздваивался, попадались двери, закрытые на засовы с амбарными замками. Вик засмотрелся на одну такую, споткнулся о ступеньку и едва не упал. Старик впереди проворчал что-то.

Переговорщик остановился, и Вик чуть не налетел на его широкую спину. Зазвенели ключи, лязгнул засов, старик распахнул дверь и погасил лампу.

– Заходите, – сказал он, пропуская Дюка вперед.

В маленькой келье с высоким потолком стоял сундук, на крышке свернутое одеяло, рядом, под зарешеченным окном, – парта, на ней толстая книга с пожелтевшей обложкой, огарок свечи в блюде и письменный прибор: чернильница, стаканчик с карандашами. По левую руку книжный стеллаж до потолка, за верхнюю полку зацеплена крючками лесенка.

– Сколько у нас времени? – спросил

переговорщик.

Старик не ответил, взял Вика за плечи, глянул снизу вверх, развернул и приказал:

– Мойся.

Вик увидел на стене у двери рукомойник, под ним таз с ржавыми потеками.

– Скидывай одежду и дверь прикрой.

Толкнув дверь, Вик стянул через голову безрукавку. Над рукомойником висел осколок зеркала. После ночных приключений он еще не мылся – ну и рожа! Понятно, почему монах в машине, перекрывшей дорогу под арку, обозвал его мутантом.

Он схватил обмылок, стукнул по штырю рукомойника и, набрав в ладони воды, фыркая, стал намыливаться. Звонко застучали капли в тазу.

– Эй, ты не безумствуй, – заворчал ключник. – Не брызгай, тут те не купальня!

Вик смыл пену, подобрал безрукавку, вывернул наизнанку и вытерся. Поглядел в зеркало – лицо чистое. И в ссадинах. Он повернулся к монахам.

Дюк, склонившись над партой, листал пожелтевшую книгу, ключник стоял рядом, уперев руки в бока. Когда Вик закончил мыться, он раскрыл сундук и достал большие ножницы.

– Жрецы уже на стенах. Подь сюды, послушник, стрисься бум.

Старик забрался на сундук с ногами и пощелкал инструментом.

– Сюда, грю! Спиной ко мне сядь.

Вик обмотал вокруг шеи свернутую безрукавку, присел на край сундука и склонил голову. Что значит – жрецы уже на стенах? Они, выходит, не постоянно там дежурят, только сейчас встали? Почему? Видать, охраняют кого-то важного, кто вскоре появится на плацу перед Храмом.

Ключник действовал быстро. Вскоре Вик выпрямился, провел ладонью по короткому жесткому ежику, оставшемуся от пышной шевелюры. Старик ухватил послушника за шею и приказал:

– Не дергайся, царапины промою...

Плеснул что-то на голову – запахло спиртом, порезы защипало.

– Портки сымай.

– Зачем? – удивился Вик.

Дюк захлопнул книгу, разгладил бороду и сказал:

– Не положено в Храме в открытой одеже. Снимай, коротки слишком. И никаких вопросов, отныне что велено – то и делаешь.

Спрыгнув на пол, ключник откинул крышку сундука, порылся в нем, вынул черную полуриясу, приложил к плечам Вика. Монахи переглянулись, переговорщик кивнул.

– Облачайся. И вот это еще, – старик протянул штаны. – Живей.

Глянув на разношенные сандалии Вика, он нахмурился и снова полез в сундук. Вскоре на свет появились ботинки с ребристой подошвой и высокой шнуровкой.

– На. Потом, вишь, веник в углу? Волоса подмети да в таз.

Вик стал переобуваться. Мягкую кожу ботинок покрывали мелкие трещинки, он натянул один, зашнуровал, ступил на обутую ногу – непривычно, но удобно, хотя и великоват самую

малость. А может, потому и удобно...

– Живей! – повторил старик.

Усевшись за парту, он открыл книгу, выудил из письменного прибора карандаш и послунил грифель.

– Как записать?

Вик натянул второй ботинок, взялся за штаны. Дюк ответил:

– Послушник Вик, уроженец Московии, из рода Каспера.

Ключник принялся выводить буквы на желтом листе. Писал он медленно и красиво, тщательно прорисовывая каждую закорючку, и, похоже, оказался единственным за прошедшие сутки, кто не уточнил, как в миру звался Каспер-старший.

Одевшись, Вик нашел в углу веник и стал подметать.

– Родился кады? – спросил старик.

Теперь ответил Вик:

– В день перед праздником Зачинщика Прилепы, в сто восьмую лету от Погибели.

Старик повел бровью.

– Вижу, грамотный. Где ты такого выискал, Дюк?

Переговорщик промолчал, и ключник уткнулся в книгу, ворча:

– Хуже некуда, кады грамотный. Морока одна...

Вик смел волосы в кучку, закинул в таз, потом натянул полуриясу, подпоясался тесьмой, пришитой с боков, и оглядел себя. Одежда оказалась удобной, движений не стесняла. Карманов разве что не было в штанах.

– Сядь и слушай, – велел Дюк. – Да не вертись, сиди ровно.

Вик опустил на край сундука.

– Запоминай и смотри не попутай чего. При входе в палаты Преподобного Геста свершается коленопреклонение. Правое колено вперед, левое на пол. Покажи, как делать будешь?

Вик согнул ногу, опустил на пол.

– Плечи расправь, подбородок к груди. – Дюк несильно стукнул послушника по затылку.

Старик хмыкнул:

– Вот. Преподобный руку тебе подаст – целуй. Не вздумай первым заговорить. Вопрос зададут, отвечай честно.

Монах обошел Вика, тот поднял голову и сказал:

– Неудобно так. Долго он со мной говорить будет? И когда...

Дюк снова стукнул его по затылку:

– Не крутись, головы не подымай...

В дверь постучали, и ключник закрыл книгу:

– Пора. Тебя ждут.

*

– А кто этот старик с ключами? – спросил Вик, поднимаясь вслед за переговорщиком по каменной лестнице.

– Староста. – Дюк на ходу погасил фонарь.

Они вышли в узкий коридор. На стенах висели масляные светильники, пол устлан ковровой дорожкой.

– Мы сейчас к Преподобному Гесту идем?

– Молчи. – Монах недовольно поглядел на послушника. – Прав староста, с грамотными одна морока. Привыкай к подчинению. Это сейчас с тобой ласково, позже за каждый вопрос не к месту – наказание.

Коридор оказался длинный, шли долго. Впереди из-за поворота показался незнакомец в светлой тунике и широкополой соломенной шляпе, надвинутой на лицо. В узком коридоре будет нелегко разминуться, не задев друг друга. Наверно, намеренно так в Храме все построено, чтобы нападавшие застревали в узких лабиринтах. И если догадка верна, то в потолке... Вик поднял голову – и в самом деле увидел зарешеченные отдушины. Ага, бойницы они не забыли сделать для стрельбы, потому-то охраны и не видно. Преподобного Геста наверняка оберегают пуще святынь Ордена. Если верить слухам, он владеет древними знаниями, которые в старых книгах называются *технологиями*. Говорили, секрет полета ему известен, но вера не позволяет обратить взор свой в сторону минских предместий и Улья гильдии небоходов. Орден не признает летунов, считает, что те, поднявшись в небо, осквернили дух и плоть человеческую, как грязные безбожники цыгане или мутанты Пустоши – полулюди-полуживотные.

Идущий впереди незнакомец свернул влево и пропал в какой-то нише, но Вик успел заметить выбившиеся из-под шляпы белые волосы. Донесся щелчок, потом стук.

Через пару шагов они поравнялись с нишей. Там под стрельчатым окном с закрытыми ставнями стояла короткая скамейка, по сторонам – голые стены.

Значит, потайной ход. Вик приостановился было, но Дюк сразу дернул его за рукав:

– Не суй нос, куда не следует. В Храме его и отрезать могут, понял?

Они повернули за угол, прошли еще один узкий коридор и остановились перед короткой крутой лестницей. На верхней ступеньке стоял высокий монах в желтом одеянии. За поясом дубинка, револьвер в кобуре, на груди бляха вроде той, что у Дюка, только начищена так, аж сверкает. Жрец, выставив открытую ладонь, приказал:

– Стоять. Оружие, ремни – на пол.

Дюк скинул амуницию.

– Руки на затылок. Ты, – охранник достал дубинку и ткнул ею в переговорщика, –

поднимайся.

Хорошо, что староста штаны по размеру выдал, подумал Вик, скидывая ремень, а то сраму было бы на весь Храм, свались они до щиколоток...

Когда Дюк поднялся по лестнице, охранник приказал:

– Лицом к стене, брат.

Он тщательно обыскал переговорщика, хлопнул по плечу:

– Проходи.

Повернулся, махнул Вику. Поднявшись по лестнице, он увидел в коридоре еще трех жрецов – все высокие, широкоплечие и с двуствольными штуцерами. Дюк стоял лицом к стене, жрец упер стволы ему в бок, двое держали оружие на локтевых сгибах, зажав приклады под мышкой и положив ладони на широкие ремни-патронташи.

Вика обыскали.

– Вперед, – прозвучало над ухом.

Его хлопнули по плечу, жрецы расступились.

– И ты, брат, иди.